

Владимир Козлов
Седьмое небо. Танго скорпионов

Остросюжетная современная библиотека

Владимир Козлов

**Седьмое небо. Танго
скорпионов. Остросюжетная
современная библиотека**

«Издательские решения»

Козлов В.

Седьмое небо. Танго скорпионов. Острсюжетная современная библиотека / В. Козлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748158-2

«Седьмое небо». Виктор Яшин во время пурги в одном из аэропортов Севера встретится с прекрасной женщиной нелёгкой судьбы. Будут здесь и другие встречи, которые пробегут по волнам памяти героев этой захватывающей книги. «Танго скорпионов». По приказу Сталина в конце Отечественной войны на поиски золота Врангеля была послана мобильная группа лилипутов, которая оставит после себя золотой шлейф золота для нашего современника.

ISBN 978-5-44-748158-2

© Козлов В.
© Издательские решения

Содержание

Седьмое небо	6
Нелётная погода	6
За пургу в Таймыре	13
Новичок	19
Не ешь бананы, Артурчик	21
Песня для Анюты	27
Калитка в зрелость	31
Я покажу седьмое небо	34
Зек он профессиональный	39
Злой	41
В бригаде коммунистического труда	52
Превратности судьбы	55
Он не как все	61
Сказка для двоих	63
Кукарача	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Седьмое небо. Танго скорпионов

Остросюжетная современная библиотека

Владимир Козлов

© Владимир Козлов, 2017

ISBN 978-5-4474-8158-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Владимир Козлов, – родился в 1950 году в городе Горьком, ныне Нижний Новгород, автор трилогии Горькое молоко, а также романов: Хвост фюрера, Родиться царём, Розы для Магистра и других произведений.

Седьмое небо

Нелётная погода

Иногда у людей встречи бывают судьбоносными, – об этом повествуют страницы книги «Седьмое небо». Бывший заключённый Виктор Яшин, не поддавшийся деморализации после отбытия срока, во время пурги, в одном из аэропортов Севера встретиться с прекрасной женщиной нелёгкой судьбы. Будут здесь и другие встречи, пробежавшие по волнам памяти героев этой захватывающей книги, которая читается на одном дыхании.

Шла третья декада мая. Где-то в центре России припекало солнце, и польхали разноцветьем сады, а на Севере ещё хозяйничала зима. Буквально два дня назад ничего, казалось, не предвещало появления нелётной погоды. Сегодня, как и вчера, пурга не прекращалась. Снег толстым слоем завалил аэродром. Снегоочистительные машины с мощными фарами беспрестанно сновали по аэродрому с опущенными скребками, расчищая площадку, не давая снегу навалить многометровый слой. Виктор Яшин находился в битком набитом аэропорту северного города и ждал своего рейса. Не смотря, что наступило время белых ночей, в Заполярье валил снег так, что видимость на улице была нулевая, виной чему была пурга. По этой причине все вылеты были отложены до прояснения хорошей погоды. А свежие пассажиры летевшие на материк, у которых билеты были приобретены предварительно, всё подъезжали и подъезжали в аэропорт. Другие пассажиры, которые находились в зале ожидания продолжительное время порядком намозолили свои глаза от одних и тех же лиц, отлучится с аэропорта не решались даже на час. Так, как была вероятность прозевать свой рейс. Пурга могла в любое время успокоиться. Все пассажиры, кроме работников ресторана и буфетов, ждали улучшения погоды, но за большими стеклами здания слышались бушующие, нежелающие стихать полярные климатические катаклизмы. Виктор от скуки, не только прочитал все газеты, продававшиеся с лотка, но изучил всё содержимое прилавков местных киосков. Они были забиты всякими замысловатыми сувенирами по тематике севера изготовленные местными умельцами. Задержав свой взгляд на одной из картин, где на него с медного небольшого листа – чеканки смотрел шаман в меховой шапке из натурального оленьего меха. По нижнему обрамлению картины искусным чеканщиком было выбито большими буквами «Дедунька». Эта картина ему всех больше понравилась. Она отражала самобытность Крайнего Севера. Старый шаман держал в руках большую курительную трубку, и его морщинистое лицо с небольшим прищуром глаз, как бы предлагало Виктору раскурить эту трубку совместно. Виктор только сейчас ощутил, что давно не курил. У него вдруг засосало под ложечкой и он, достав из пачки сигарету, устремился к выходу вокзала, чтобы вдоволь надышаться табачным дымом. Проходя мимо большой компании геологов, которая совсем недавно появилась на вокзале аэропорта, Виктор обратил внимание на сидевшего с молодыми ребятами пожилого седого бородача с синими кистями рук. У него были карие глаза похожие на каштаны и испещрённый морщинами волнообразный лоб. Виктору показалось, что эти глаза и лицо ему уже приходилось встречать раньше, а вот где вспомнить не смог, как только он не напрягал память. Он окинул любопытным взглядом ещё раз старика, но этим он память свою не освежил. Бородач, расположившись на футляре аккордеона, показывал геологам что – то на картах. Геологи заморожено смотрели на него, не задавая ему никаких вопросов.

– Удивительно! – донеслось до него из компании геологов, чей – то молодой мужской голос.

– Ведите меня в ресторан, я вас ещё не так удивлю, – ответил бородач, – мне скрывать нечего. Сейчас я не граблю, не ворую, не пользуюсь чужим трудом. Стараюсь жить честно, – то ли в шутку, то ли в серьёз говорил он.

Окончание диалога Виктор уже не слышал, он вышел на улицу, но курить, там не стал. Пурга быстро его опять загнала в здание вокзала. Он проследовал в туалет, где можно было спокойно в своё удовольствие покурить. Прикурив сигарету, он мельком осмотрел рядом стоящих курильщиков и начал вспоминать засевшее ему в голову лицо бородача. Он был уверен, что раньше они были знакомы, но где и когда – на ум ему ничего не приходило. Докурив сигарету и бросив окурки в урну, он следом прикурил очередную сигарету. Досыта накурившись, он вымыл руки и, нагнув голову над краном, чтобы прополоскать рот, ему вдруг показалось, что в зеркале замирало лицо бывшего мужа его покойной сестры. Оно так же быстро исчезло, как и появилось. Он прополоскал рот и осмотрелся вокруг, рядом и позади, было знакомое окружение. Эти люди тоже, как и он уже несколько дней ждали лётной погоды. Только на выходе он столкнулся с крупным мужчиной, который обвёл его бронебойным взглядом, но быстро посторонился, когда Виктор проходил мимо него. Этого типа он точно раньше не видал в здании вокзала.

«Наверное, новый пассажир или провожающий? – подумал он, – да и зачем мне нужны чужие лица? Быстрее бы небо прояснилось и вперёд на родину. У нас сейчас там +25, а здесь всё в минусе».

Возвращаясь назад, он заметил, что сиденья геологов заметно поредели, и бородач среди них уже не было. Только на возвышенности сложенной из рюкзаков и спальных мешков восседали две невзрачные девушки. Их коричневые костюмы с широкими жёлтыми полосами на груди и громоздкие унты, которые явно были им не по размеру, делали их похожими на гигантских пчёл и, по-видимому, являлись запретом на вход в ресторан. Одна из них с глазами щёлочками и смоляными волосами была представительница северных народностей.

Виктор присел рядом с ними на освободившее место и, улыбнувшись одной из девушек с капюшоном на голове, спросил:

– Пока ваши коллеги «на разведке», я посижу временно здесь?

– Сидите на здоровье они теперь не скоро вернуться, – ответила она нежным и приветливым голосом. – Возможно, до объявления рейса застрянут в ресторане. Любят они у нас любую ресторацию.

Он ошибся, девушка с капюшоном, из-под которого пробивалась русая чёлка, была, не невзрачной, а обаятельной и симпатичной, сравни сказочной Снегурочке. Её зелёные глаза, обрамлённые озорными дугами бровей, блестели словно изумруды. Бархатная кожа лица и пухлые алые губки, делали её больше похожей на прекрасную работницу неба, с которыми в полёте всегда чувствуешь себя в превосходном настроении. И если снять с неё амуницию геолога, то её портрет мог вписаться рядом с известными красавицами театра и кино. И остроконечный капюшон ей общую картину не портил, а наоборот придавал большую пикантность.

– А что, ваш бородатый командир разрешает своим геологом продолжительно расслабляться? – спросил Виктор, не отводя своего взгляда от понравившейся ему девушки.

Она сделала недоумённый вид, пытаясь что – то сказать, но первой рот открыла девушка с узкими глазами:

– Наш главный командир в Дудинке остался, а его помощник наверху сидит, пургу бокалами разгоняет. А тот дядечка, что с аккордеоном, это наш попутчик его Бобом зовут. Он отношения к нашей Таймырской геофизической экспедиции не имеет. Он разработчик рыбы, а ещё он ладно пиликает на своём волшебном аккордеоне. Так жару даёт, что от его игры кожа гусиной становится, – уточнила она.

– Понятно, – ответил Виктор, – а я подумал, что если старый, то обязательно начальник. И одет он, как вы.

– Сразу видно, что вы не северянин, – подала голос девушка с капюшоном.

– Почему вы так думаете? – спросил он.

– Глаз у вас не объективный, смотрите только на возраст, а если бы вы взглянули на его руки, то поняли бы, что такой человек не может быть начальником экспедиции.

– Слишком пальцы музыкальные? – с ироническим оттенком, спросил Виктор.

– Играет Боб на аккордеоне действительно превосходно, – подтвердила слова своей подруги девушка с капюшоном, – мы его приглашали к себе в лагерь неоднократно отмечать наши знаменательные даты. (Кстати спецовку, что на нём это мы ему подарили). И он такое там вытворял своими пальчиками на клавишах, что никому из мировых музыкантов и не снилось. Пальчики у него необыкновенно уникальные, но разукрашены тюремными наколками, даже чистого места на них не видать. Мне кажется, если бы у него ногтей не было, то он и там бы наколол свои колокольчики и перстня.

– Странно вы рассуждаете, – сказал Виктор, – в наше время не совсем правильно судить о человеке по татуировкам. Можно в конфуз попасть с таким суждением!

Геолог с интересом взглянула на приставучего собеседника и, не меняя тона, уверенно произнесла:

– Я говорю, что знаю и никакого конфуза не боюсь. Боб от нас не скрывал, что большую часть жизни провёл в «острогах». Но хочу заметить, что человек он правильный и хороший. И его татуировки нас не пугают. Сейчас все колются.

Виктору понравился её исчерпывающий ответ. И он, одарив её обаятельной улыбкой, произнёс:

– Я с вами вполне согласен милая девушка. Это раньше люди кололись на флоте и тюрьмах, после чего старались, как можно меньше мелькать в общественных банях и пляжах. стыдно было за свою содеянную легкомысленную глупость. А сейчас мир перевернулся. Молодые люди, в том числе и девушки напоказ выставляют свои татуировки с тюремной аббревиатурой, но о тюремной жизни носители этих наколок и духом не ведают. Мало того, что женский пол отобрал у мужчин часть гардероба, так они покусились и на нательную живопись. Не понимаю, я этого? – он укоризненно покачал головой и с едва заметной улыбкой посмотрел на ноги собеседницы. – Вот, к примеру, вы сейчас обули на себя мужские унты и сразу потеряли женскую привлекательность и видимо по этой причине вас в ресторан с собой ребята не взяли, – шутливо заявил он.

Девушки заразительно засмеялись, чем обратили на себя внимание других пассажиров.

– Это не наши унты, – отсмеявшись, сказала девушка с капюшоном, – мы ехали электричкой с Дудинки, там было так холодно, что ноги, как ледышки сделались. Вот мы временно наших парней разули. У нас, конечно, есть и свои унты, но они уехали багажом вперёд нас. – При этом она кокетливо помахала ручкой в сторону аэродрома. – А в ресторан мы не захотели идти, знаем, чем наши ребята будут удивлять музыканта. И то, что вы говорите про переворот в мире, то мы с вашими доводами вполне согласны, только мужской пол, в гонке перелицовки мира тоже не отстал. Серьги у женщин отобрали, персинг себе делают. Косынки, которые называют банда – ной, считают символом мужества и крутости. Смех, да и только. Я не удивлюсь, если в ближайшем будущем в моде у мужчин будут юбки.

Он отметил её логику, в её доводах была доля правды. Виктору нередко приходилось встречать на улицах города молодых людей повязанных на голове косынках и серьгами в ушах. Мало того приходилось сталкиваться и с такими экземплярами, которые без стеснения натягивали на себя женские лосины и при этом считали себя законодателями новой моды.

– Это вы, верно, заметили, – согласился с девушками Виктор, – я и мужчин в этом плане не одобряю. Хотя бандана и серьга в ухе для морских пиратов являлись символом крутого нрава и полнейшей свободы. Я осуждаю

сегодняшнюю эпоху, которая поломала исконно русские нравы. По мне лучше магазин называть лавкой или бакалеей, но не иностранным чужим словом. Ломая русский язык, мы этим не приближаемся к Европе, а только смешим её. Мало того воровской жаргон несколько «обогастил» русский язык, что на нём разговаривает не только наша молодёжь, а и работники милиции и даже государственные мужья. Благозвучия в этом нет никакого, одна плесень!

Он чуть задумался, и притупил свой взгляд к собеседнице. Вспомнил, как совсем недавно в буфете театра юного зрителя во время антракта, слышал, как группа ребят примерно двенадцати лет, обсуждали первый акт спектакля, на чисто уголовном языке.

«Что – же будет, дальше творится? – подумал он. – Перерождение этики и морали? – очевидно, так оно и будет. К этому всё идёт».

После короткой молчаливой паузы он, не отрывая взгляда от девушки, которая ему очень понравилась, он задал вопрос предназначавшийся, «Дочери тундры», так он обозначил про себя аборигенку Севера:

– Интересно, а как живут северные народности, долганы, ненцы, эвенки? У них, что тоже отторжение произошло от своих привычек и обычаев?

Дочь тундры была занята, каким то замысловатым кубиком, который крутила в руках и было, похоже, что последний вопрос Виктора она не слышала.

Девушка с капюшоном бросила на подругу короткий взгляд, после чего улыбнулась Виктору:

– Я угадала, что вы на Таймыре случайный человек. Если спрашиваете про северные народности, но на этот вопрос вам лучше ответит Ирина.

– Совершенно верно девушка, – ответил он, – я на этой земле всего лишь пять дней нахожусь. И за этот срок практически понятий о жизни на севере не приобрёл. Три дня в городе был и два дня в аэропорту сижу. Вот и весь мой жизненный багаж Таймыра. Правда, осенью сюда прилетал на два дня. Но эти дни мне кроме печали ничего не дали.

Обратив внимание, что незнакомец несколько раз назвал её девушкой, она приятно заулыбалась.

– Не густо, – сказала она, – а что так мало погостили?

Виктор чуточку замешкался от заданного вопроса, не зная, стоит посвящать случайного пассажира в свои не совсем радостные события, связанные с севером. Хоть эта девушка и располагала его к откровенности, но он пока решил уклониться от правдивого ответа.

– Да я собственно не в гости приезжал, а по личным делам. Надо было кое – что утрясти. Но жить бы я здесь не согласился. Не люблю я холода и такую, как сегодня пургу. У меня такое впечатление создаётся, что эта пурга вечная и никогда не прекратит дуть. Не понимаю, как моя сестра смогла здесь прожить больше сорока лет?

– Это вы попали в беспокойное время, – дернув игриво плечом, произнесла Ирина, – Север питает всю планету, жизненным зарядом. – Она отложила свой кубик в сторону, и сузив, итак, небольшие свои глаза, продолжила: – Север суров, и не всегда бывает гостеприимным, но это ни в коей мере не отражается на его неопишуемой красоте. Север не изведен и не исследован полностью. Это богатейший край и не исключено, что вся индустрия России в обозримом будущем перебазируется в этот холодный край. Уже сейчас заметно, как преобразились города Крайнего Севера. А на ваш вопрос в отношении жителей северных народностей я отвечу так. – В глухих посёлках, рядятся в национальные одежды. Но на голове обязательно у женщины будет сидеть супер модная шляпка, а у мужчины бейсболка. Телевизоры чётко вносят элементы моды. Только старые люди не нарушают обычаи. А пьют спиртное все одинаково, что молодой что пожилой. Истребляют всё, что горит. Я сама родом из Эвенкии, так там наши промысловики, за добытую ими пушнину выменивают у геологов водку, одеколон. В общем, всё, что горит – там всё годится. Так было раньше – так есть сейчас.

Виктор заметил, что она последние слова произнесла как надгробную речь. Он обвёл её сочувственным взглядом и, порывшись в своём кармане, извлёк оттуда брелок маленького пупса, которого купил на Нижегородской ярмарке и до сих пор, не решившись нанизать свои ключи на него. Он протянул ей маленького пупса на блестящей цепочке и спросил:

– А твой отец тоже много пьёт? – поинтересовался

Виктор.

Она приняла с радостью этот сувенир и, чмокнув пупса в голову, ответила:

– Если бы мой отец пил, то я не смогла бы получить высшее образование в Красноярске. Мои родители занимаются скотоводством и оленеводством. И им пить некогда, так – как у меня ещё есть две сестры и маленький братик, почти такой, – покрутила она перед глазами Виктора подаренным пупсом, – вон посмотрите за стеклом киоска плакат оленевода, – показала она рукой на киоск. – Это мой папа! – гордо сказала она.

– Здорово! – открыв рот, удивился Виктор, – пойду куплю этот плакат, а вы мне напишите, что это ваш папа. А то с севера еду и сувенира никакого не везу с собой.

– Хорошо, – утвердительно мотнула она головой.

Он попросил девушек присмотреть за дипломатом и пошёл, купил плакат. Потом долго ещё выбирал себе сувенир, решив свой выбор остановить на шамане. Эта чеканка пришлась ему по душе.

– Подайте мне Дедуньку, – показал он молодому продавцу приглянувшуюся ему картину.

Продавец, неизвестно из-за чего улыбнулась ему, упаковала картину, перевязав её синей узкой лентой. Затем он прошёл к буфету и купил две большие шоколадки. Когда он вернулся к девушкам, то увидел, что вместо унт у них на ногах надеты альпийские длинные ботинки. И девушка – эвенкийка ему уже тоже не казалась невзрачной, как при первом взгляде. Она была по – своему мила и привлекательна.

Вторая девушка с капюшоном на голове, слезла со своих узлов, заняв позицию около подруги, подперев свою талию руками, задрав голову кверху. Она смотрела на второй этаж, где находился ресторан. Даже костюм – балахон с одетым под ним толстым свитером, не смог скрыть её миниатюрной и изящной фигуры.

«Какая поза у неё сексуальная. Так и подмывает обнять её сзади за плечи. А ведь она неотразима, – подумал он, – интересно, сколько ей лет? Наверное, только в институте отучилась?»

Не подав виду, что он заметил их смену обуви, Виктор протянул им по шоколадке.

От шоколада они не отказались, а девушка с капюшоном приложила удивлённо руку к своей груди и мило улыбувшись, спросила:

– Можно мы вас тоже угостим северным деликатесом? – и, не дожидаясь ответа, она склонилась над одним из рюкзаков и вытащила из него толстый и увесистый кусок рыбы, завернутый в пластиковый пакет. Видно было по размерам, что это была одна из немногих частей гигантского представителя ихтиофауны.

– Это копчёная калуга, подвид осетра, – объяснила она.

Подобной щедрости он не ожидал от девушек. Ему вручили его любимую и редкую рыбу. Он тут же оживился от такого угощения и, поставив между своих ног пакет с рыбой, хитро улыбнулся:

– Так к этой рыбе пиво нужно. Вы пьёте пиво? – спросил он, обведя вопросительным взглядом девушек.

Северянка, жвав плотно губы и максимально открыв веки, отрицательно замотала головой

– Я стаканчик могу выпить, не больше, – вставила девушка с капюшоном, – а Ира вообще спиртного не приемлет.

Было заметно по лицу, что Виктору понравился ответ девушки. Ему хотелось побыть наедине именно с девушкой с капюшоном. И он, набравшись смелости, без всяких церемоний взял её за руку:

– Тогда нам с вами нужно подняться наверх в ресторан и заказать пива?

Она с изумлением взглянула на него, но руку свою не отдернула. Он не дал ей рта открыть, а продолжил:

– Не люблю заниматься противоборством со своими желаниями. Отказывать себе в доступном хотении, большой грех и может караться в жизненном процессе симптомом неудовлетворённости. А неудовлетворённость, это, пожалуй, главный бич человеческого нервного блока. А нервы, кроме зубной боли, это главный проводник, ведущий к заболеваниям всего организма.

Когда он затих, она посмотрела на на незнакомца и испуганно спросила:

– Пугающую цепочку последовательности вы построили. Стоит над ней задуматься?

– В данный момент, подобные думы это потеря драгоценного времени, – парировал он.

От такого напора она немного замялась, но улыбку с лица не убрала.

– Мы даже с вами незнакомы, а вы меня уже в ресторан приглашаете. Я боюсь, что с вашей скоростью как бы мне не пришлось из ресторана выйти со штампом в паспорте о бракосочетании со случайным пассажиром ожидающего своего рейса.

Эта девушка ему нравилась всё больше и больше, и он с сожалением отметил для себя, что давно вышел из того возраста, чтобы можно было смело приударить за смазливими молодыми девушками. Возраст Виктора угрожающе подходил к пятидесятилетнему рубежу, но это не являлось побудительной причиной, чтобы отвернуться от очаровательной девушки. Он наоборот, всё пристальней и пристальней заглядывал в её красивые глаза, стараясь хотя бы ориентировочно определить её возраст.

– А вы, что боитесь незнакомых мужчин? – спросил он.

И, не дожидаясь ответа, с сожалением произнёс:

– Я вам в компаньоны по этому делу едва – ли сгожусь, так – как у меня дочка значительно старше вас. Но на всякий случай паспорт с собой не берите, – улыбнулся он. – Разве только что вам свои красивые волосы нужно освободить от капюшона.

Он отпустил её руку, и нежно коснувшись своими пальцами по её чёлке тихо с восхищением промолвил: – Зачем вы прячете изумительный шёлк от народа? И кстати меня Виктором зовут, – протянул он ей свою руку.

Девушка густо зарделась от его слов, и чтобы не испортить причёску осторожно откинула с головы свой капюшон, затем протянула ему свою руку.

– А я Анюта, – так же тихо назвала она своё имя, – и мои слова всерьёз не принимайте? Мы геологи все острые на язык. Без такого качества нельзя обходиться ни в тайге, ни в тундре. Молчаливых мы не воспринимаем, как своих партнёров. Поэтому они больше общаются с гнусом, а потом бегут с экспедиции, только пятки сверкают. А мужчин я совсем не боюсь, даже с такой щетиной как у вас. Хотя вы производите вид интеллигентного человека.

Тембр её голоса был хоть и тихий, но повеление в нём чувствовалось. Виктор это сразу почувствовал и провёл своей рукой по подбородку. И только сейчас осознал, что последний раз брился два дня назад. Её слова немного сконфузили Виктора. Он виновато посмотрел на неё и как то неуклюже дернул левым плечом:

– Я немедленно сейчас схожу и побреюсь в туалет, – будто оправдываясь, сделал он шаг назад.

– Это совсем не обязательно делать, – отговорила она его от такой затеи, – борода на севере из моды ещё не вышла и никогда не выйдет.

– И давно вы Анюта бороздите эти суровые края? – поинтересовался он у своей собеседницы.

– Уже девятый год, – с заметной гордостью ответила она.

– Поразительно, – удивился Виктор, – а я вас принял совсем за девочку. Ну, думаю, наверное, эта полярная звезда только институт окончила, а вы оказались старожилом Арктики.

– Я так и подумала, – улыбаясь, ответила Анюта, – в народе гуляет мнение, что маленькая собачка до старости щенок. Это выражение относится и ко мне. Меня щадит северная природа, не даёт ни на день стареть. Хотя свой дипломный проект я защитила шестнадцать лет назад. Это Ира у нас молодая. Нет ещё года, как она к нам пришла работать.

Виктор мысленно прикинул, сколько ей может быть сейчас лет, приплюсвав к студенческому возрасту шестнадцать лет, и обезумел. По его подсчётам Анюте было около сорока лет. И это его почему – то обрадовало.

Она ждала от него восклицательных слов в отношении её возраста, но он скромно промолчал и перевёл свой взгляд на Ирину. Эта эвенкийка, дочь тундры, держала в руках уже авторучку и показывала на плакат, который у него был зажат под мышкой. Он вначале не понял, что она от него хочет, но быстро опомнился и протянул ей плакат.

Ирина взяла плакат и сказала:

– Идите, пейте своё пиво, а я вам оставлю здесь автографы. Только долго не задерживайтесь, а то я от скуки одна здесь помру.

– Это понятно, – тебе же вдруг понадобится отлучиться по своим делам. Не оставишь же вещи без присмотра, – сказал Виктор.

– Глупости, – произнесла Анюта, – я в этом аэропорту не первый раз. Здесь ничего пропасть не может, так – как нас кругом окружает милиция, а раньше и пограничники здесь на страже были. К тому же нас почти все знают, – и, повернувшись к Ирине, сказала:

– А чтобы тебе Иришка скучно не было купи журнал с кроссвордами. Авторучка у тебя уже есть. И смотри по неосторожности не раздави картину нашего нового знакомого?

После чего она галантно подхватила нового знакомого под руку и повела в ресторан, гордо ступая по мраморным маршам, в то же время, не сводя своего взгляда от его мужественного лица.

– Она будет сверкать от счастья, осознавая, что портрет её папы будет висеть где – то на стене материка, – бросила Анюта Виктору на ходу.

– Стоп, – опомнился Виктор, – это нарушение протокола, – остановил он её перед очередной ступенькой, которая вела на площадку второго этажа. – Это я вас пригласил в ресторан, значит и под ручку я вас должен вести.

– А я не против такой постановки вопроса, – отцепила она свою руку от него. – Мне даже будет почётней войти в зал под конвоем галантного и небритого мужчины. Пускай мои эскимосы позавидуют.

...Этот новый её знакомый с обаятельной улыбкой, который возник перед ней неожиданно и таинственно, ей был симпатичен. Помимо хорошо подвешенного языка в нём чувствовалась огромная сила, и решительность. Она вытащила из кармана своего костюма маленький флакончик духов и слегка оросила ими у себя за ушами.

– Почему эскимосы? – поинтересовался Виктор, вдыхая её нежный аромат духов. – Они, как показалось мне все славянской внешности.

– Это я их так называю, – объяснила она, пряча назад духи. – Потому что раньше они все работали на острове Врангеля и жили в поселении эскимосов.

– А разве у нас в России есть такая национальность? Как я помню по урокам географии, эскимосы населяют Гренландию да Аляску.

– Двойка вам по географии, – шутливо сказала она, – Аляска раньше была частью России, а эскимосы населяют ещё Канаду и Магадан, не только остров Врангеля.

Получив географические уточнения, он повёл Анюту в ресторан. Обведя зал взглядом, они нашли свободный столик и проследовали к нему.

За пургу в Таймыре

На середине стола стояла ваза с аппетитными фруктами и гранатовым соком. Хрустальные бокалы, расставленные как шахматные фигуры по всему столу от падающего света огромных люстр ресторана, переливались ярким блеском, словно это был не хрусталь, а цилиндрические бриллианты. Виктор недоумённо посмотрел на стол, где возвышалась бутылка его любимого гранатового сока, затем перевёл взгляд на свою спутницу:

– Не понял, – изумился Виктор, – нас, что здесь ждали?

– Мы вовремя пришли, – сказала Аня. – Пришла очередь наших эскимосов удивлять музыканта, – мотнула она головкой в угол, где были составлены два стола, за которыми сидели геологи и бородатый незнакомец.

– Ничего сверхъестественного я пока не заметил, – бросил он взгляд на геологов, одновременно выдвигая стул для Ани, – а вот стол мне по душе пришёлся.

– Ерунда, – не обращая внимания на его слова, затаённо произнесла она, – здесь в зале всегда блестит. Сок кстати и фрукты можно убрать или заменить.

– Ни в коем случае, – прикрыл двумя руками убранство стола Виктор, – тут то, что мне по вкусу, но мы эту скатерть самобранку сейчас обогатим.

Аня либо не расслышала, либо сделала вид, что ей безразличны слова нового знакомого. Она отвела его руки от вазы с фруктами, которая была главным украшением стола и заморожено прошептала:

– А вы посмотрите, в каком положении находятся их фужеры, и тогда поймёте.

Виктор пристально взглянул еще раз на стол геологов и понял, что люди романтической профессии смогли поразить не только бородачу, но и остальных посетителей ресторана. Их фужеры стояли на ребре ножки под углом примерно семьдесят градусов и не падали.

– Это ещё не всё, – зашептала она, – позже, когда они напьются, на этих фужерах они обязательно исполнят нашу культовую песню «Сиреневый туман». Их официанты об этом попросят, чтобы столики не пустовали. Народ точно сбежится на это зрелище, и мы уже не будем сидеть вдвоём за нашим столиком. Ресторану прибыль будет сказочная, а посетителям развлечение.

– Ну, тут и так народу предостаточно, – показал он на зал рукой. – А вы, что здесь так популярны? – спросил Виктор.

– Летать приходится часто и нашу экспедицию знает не только ресторан, но и все работники вокзала, включая и людей в погонах. Так, что Виктор пока к нам не посадили посторонних людей, расскажите мне немного о себе, коль нас объединили ваш шоколад и моя рыба. Кстати дайте мне рыбу? Я схожу на кухню и попрошу, чтобы её нам нарезали?

Он охотно положил перед ней пакет с рыбой.

Аня поправила на голове непослушные пряди волос и, взяв рыбу, покинула Виктора, унося с собой изумительный запах своих духов.

Вернулась она уже не одна, а с девушкой официантом, которая шла позади Ани и несла двумя руками, словно праздничный торт большую тарелку с нарезанной несколькими рядами рыбой.

Виктор заметил, что за соседними столиками за ними пристально наблюдают посетители. А со стороны компании геологов, высокий молодой человек, встав со стула, помахал Ане рукой, подзывая её к себе за столик, но она жестом показала ему, чтобы он сел на своё место.

– С таким деликатесом мы одним пивом не обойдёмся, – восхищённо заявил Виктор и тут же сделал официанту заказ на две персоны, опасаясь, что эта понравившаяся ему полярная женщина может упорхнуть от него за другой столик.

– Не слишком много вы вина заказали в связи с нашим знакомством? – спросила Анята, переведя свой взгляд на официанта.

– Да это компот, а не вино. Вдвоём выпьем и ничего не почувствуем, – убеждал он её.

– А Анята вино не пьёт, – заметила официант, – я принесу ей традиционный напиток, который она уважает.

– Прекрасно, – одобрительно сказал Виктор, – тогда уберите из заказа одну бутылку вина, – мне пока одной хватит.

Официант подвинула ближе к ним бутылку с гранатовым рубиновым соком и два больших фужера:

– Пейте пока эту прелесть, чтобы скучно не было. А я постараюсь вас живо обслужить.

Она ушла, а Виктор с жадным любопытством начал разглядывать свою новую знакомую, нисколько не смутив её этим.

– Ты знаешь Анята, мы с тобой знакомы буквально тридцать минут. А меня посетило на секунду такое чувство, что тебя давно знает не только персонал этого ресторана, но и я тоже. Такое – же у меня чувство создаётся и к бородачу – музыканту. Мне кажется, что его я видал раньше. До того знакомая внешность.

Анята загадочно улыбнулась. И своей маленькой ладошкой закрыла ему глаза:

– Если вы пригласили меня сюда, то нечего разглядывать и изучать посетителей зала, – кокетничала она. – Уделяйте внимание только мне одной и больше никому?

У Виктора от её слов и нежного прикосновения руки что – то стукнуло в сердце. Он понял, что это был позывной маяк его внутреннего мира. Так – как он ощутил приятную истому от её ладони. Ласково перехватив её руку, он провёл по ней своей ладонью, и без всяких церемоний прикоснулся к ней губами. Этот вроде и незаметный жест, но в краску её ввёл мгновенно. Она резко отдернула свою руку и посмотрела в сторону своих геологов. Все они в это время с интересом смотрели на столик где сидели Виктор и Анята.

– Вы, конечно, поняли, что я пошутила, – словно извиняясь, сказала она, – я сама до ужаса люблю смотреть на людей. Особенно после зимней тундры, когда одни и те же физиономии до невозможности приедаются. А новые люди, – это для меня праздник впечатлений и мне порой всех хочется обнять. Вот здесь мне кажется мы, несомненно, с вами в чём – то похожи. Вы тоже имеете похожую черту познавать людей. – Она открыто ему улыбнулась и продолжила:

– У общительных людей, бывает такая мистика, что знают окружающих их людей. Со мной это часто бывает. Честно сказать, я тоже людей не чураюсь, легко с любым букой могу войти в тесный контакт, и разговорить его на самую чуждую для него тему. И я считаю, ничего в этом предосудительного нет. Все люди братья!

Виктор слушал внимательно её и был счастлив и горд, что эта полярная красавица согласилась с ним пойти в ресторан. Ему хотелось в этот миг, ради неё совершить необыкновенный поступок, который она смогла бы по достоинству оценить. Но какой именно поступок, он не знал.

Он вдруг неожиданно вздрогнул и в знак согласия её слов, вновь погладил её руку и тут – же постучал себя ладонью по груди:

– Я это уже отметил в своём внутреннем детекторе.

– К вам поступает человеческая модуляция колебаний? – спросила она, углублённо заглядывая ему в глаза.

– Пора уже, всё – таки жизненный опыт приличный имею, – нашёлся он.

– Совсем, прекрасно! – произнесла Анята, – имея такие феноменальные способности, вы меня этим освобождаете от излишних откровений, а вас я готова послушать.

Он пожалел, что высунул зря вперёд свой язык, который мог помешать ему, узнать о ней самые важные черты её характера и немного сдал свою первоначальную позицию.

– Пока я о вас знаю лишь только, что вы геолог. И вам ориентировочно около сорока лет и зовут вас Анята. Так, что нам придётся быть обоюдно откровенными.

– Святые угодники, – кокетливо хлопнула она в ладоши. – Чувствую, что наше знакомство будет похоже на сватовство. Ловкий вы Виктор. Продолжайте? – Мне становится интересно. Если вы будете молчать, я сбегу от вас к Ирине.

Сердце Виктора упало. Он не хотел, чтобы празднику пришёл конец. Мобилизовав свои усилия, он понёс, как ему показалось самую настоящую ахинею:

– Здесь Север, – произнёс он, – везде существуют северные надбавки. А эти надбавки служат не только материальным довольствием, но и хорошим ускорением в жизни. Вот и я, возможно, опираюсь на эту льготу. Мне это не претит, я человек свободный, а позавчера я на этом северном морозе стал ещё состоятельнее.

Он ни когда не думал, что сможет пойти на откровенность с первой встречной женщиной. Часу ещё не прошло их знакомству, а он, уже не отрываясь, смотрел на эту северную красивую женщину и мысленно впитывал в себя все её внешние достоинства.

– Вы же сказали, что ваша дочь старше меня, – долетел до его ушей хоть и приятный, но укоризненный голос новой знакомой.

Он не растерялся от её провокаторского вопроса. А напротив игриво улыбаясь, вертикально прикоснулся своим указательным пальцем к её алым губам. Как – бы запрещая ей больше не произносить ни слова:

– Это вероятно было искажённое определение, хотя, как мне показалось, оно вам по душе пришлось. Моей дочери всего лишь двадцать три года. Она у меня биохимик, недавно получила работу в научном центре Пушкино Московской области.

– Вы москвич? – слегка укусила его перст Анята.

– Нет, я с Волги, живу в Нижнем Новгороде. Москва меня не прельщает, несмотря на то, что мне предлагали несколько раз там жильё и работу. Не нравится мне суета большого мегаполиса. Я люблю тишину и размеренный ритм жизни не связанный с опасностью для здоровья. Хоть Нижний Новгород, тоже не маленький город, но там замечательная природа. Одна только Набережная чего стоит. Об отдыхе выходного дня голову не приходится ломать. А Москва хочу сказать, регион не для пенсионеров. Этот город для энергичных и предприимчивых людей и ещё для транзитников.

– Вы хотите сказать, что вы уже пенсионер? – с недоверием спросила она.

– По стажу работы да, а вот по возрасту ещё нет. И стараюсь не спешить подходить к скрипучей пенсионной ступени. Думаю, моё здоровье, и взгляды на жизнь не скоро подведут меня к этой черте. Я полон сил и если в данный момент сижу здесь на Крайнем Севере с молодой женщиной в ресторане, значит, могу нравиться женщинам. То есть если вы уловили мою мысль, то, наверное, поняли, что не теряю надежд на жизненные радости и создание семьи.

– Это, что уже намёк? – вполне серьёзно спросила Анята.

– Как хотите, понимайте, но прошу не смотреть на меня, как на конченого идиота? Я больше верю в случайные встречи, чем в многолетние ухаживания. Мне кажется, что в таких встречах больше скрыто счастья и удачи. Они несказанно вдохновляют души экспресс – влюблённых.

Его оригинальное суждение пришлось ей по душе. Она же всем своим видом показывала ему, что она не легкомысленная кокетка, а вполне порядочная и серьёзная женщина, с которой можно беседовать на жизненные темы. Анята заправила за ухо выбивший локон волос и бросив на Виктора изучающий взгляд, произнесла:

– Я смотрю на вас не как на идиота, а как на случайного, интересного человека, с экстравагантной формулой жизни к тому – же не с разрушенной ещё внутренней и внешней оболочкой. Вижу, что у вас имеется богатый опыт подобных встреч с незнакомыми женщинами.

Голубоглазое, смуглое и волевое лицо, с прямым носом и светлыми волосами которое делало Виктора больше похожим на скандинава, чем на россиянина, незаметно для Анюты скрыло свою печаль. Виктор без всякого смятения выдал:

– Насчёт оболочек, возможно, вы и правы Анюта, а то, что касаемо богатого опыта встреч, то здесь вы ошибаетесь, – отрицательно покачал он головой. – Я полтора года назад с женой отпраздновал серебряную свадьбу, а на следующий день, она попала в автомобильную катастрофу. В октябре прошлого года я похоронил здесь в Норильске старшую сестру. Эту поездку я полностью посвятил бумажным делам. Я стал законным и единственным наследником всего имущества своей покойной сестры. Так что Анюта, мне хочешь или не хочешь, пришлось усвоить жёсткое правило, – «когда человек в печали ему не до похотливых утех». Для неё это удар был ниже пояса. Она не ожидала, что своими беспочвенными подозрениями обидела нового знакомого. Надо было искать выход, как выйти из этого положения. Правильные мысли в голову не лезли. Подсказка пришла от него. Виктор перед ней положил свои ладони, как бы говоря, что с этими ладонями отдаёт ей всю свою душу:

– Простите Виктор? – погладила она его кисть руки, – меня обманули ваши глаза. Я в них не нашла ни печали, ни траурной золы. Один огонь и подлинная радость от хорошей жизни. Нервы не взвинчены, значит, вы правду говорили, что не отказываете себе ни в чём.

Виктор налил из графина гранатового сока и небольшими, но торопливыми глотками опустошил фужер. Отдышавшись, невозмутимо произнёс:

– Таким я родился, спасибо родителям! Глаза мои это громоотвод от разношёрстной гнилой публики, а также они являются притягательной силой для моих клиентов.

– Вы врач? – спросила Анюта, заглядывая глубоко в его глаза.

Он немного смутился, не то от её пронизательного взгляда, не то от неожиданного вопроса. И, сделав паузу, воткнул вилку в кусок рыбы:

– С чего вы взяли, что я врач? – спросил он, откусив маленький кусочек рыбы.

– У вас Виктор прорвалась фраза, что вы имеете своих клиентов, – не убирая своего цепкого взгляда от него, ответила она. – И я так на секунду представила вас в белом халате.

– Рыба изумительная, – оценил он вкус калуги, – а вы, почему не кушаете?

– Я подожду, когда принесут заказ, а вы не стесняйтесь, попробуйте рыбку. Я ведь избалованная рыбой. Мы только её и едим.

Она вдруг напрягла свой слух и подняла вверх палец. В зале раздались разнобойные, протяжные мелодичные звуки похожие немного на завывания скрипки.

– Наши ребята тренируются, – проговорила она, – скоро затянут нашу тоску. Всё – таки вы мне ответьте, правильно я угадала вашу профессию или нет?

Он загадочно улыбнулся и ответил:

– Клиенты бывают в цирюльне и милиции, а в больницах пациенты. И насчёт белого халата вы не ошиблись. У меня имеется он, и я его часто одеваю. Но я не врач, а мясник. Владею у себя в городе солидной мясной лавкой. А по жизни моя профессия была связана с монтажом металлоконструкций. Продолжительное время руководил управлением. А затем случилась обычная и банальная история. Система нелепой перестройки, с несправедливой грабительской приватизацией перечеркнула все мои жизненные наработки. Я за какие-то мимолётные дни остался без средств существования. Мою участь унаследовали и все мои полтысячи подчинённых. Как мне плохо тогда было. Ну, думал всё, конец света наступил. Сейчас конечно я твёрдо стою на ногах и уже не о чём жалею. И вообще мне грех на жизнь обижаться, не смотря, что на одном из этапов моего жизненного пути пришлось пройти трудные испытания. Большинство людей считают, что это время, отбытое в неволе, вычёркивается из жизни любого человека, и остаются только горькие воспоминания. А я так не считаю, если человек дышал в это время, пускай он и имел из подруг только кирку и лопату, но, умея запросто рвать

залихватски на себе рубаху и рвать недругам пасти, значит, жизнь даром не протекала. Были просто курсы мужества и стойкости. Лично меня эти невзгоды не выбили из седла.

Она склонила голову. Его изучать уже не было смысла. Анята поняла, что её новый знакомый прошёл те же курсы жизни, что и она, которые она старалась забыть. Но частенько чёрт знает, откуда – то в жизни возникали нежелательные всплески памяти горького прошлого и не давали ей покоя. Вот и сейчас их диалог залез ей в душу и напомнил о не сладких временах. Она спрятала улыбку и пристально заглянула ему в глаза:

– И долго вам пришлось на себе рубаху рвать на этих курсах мужества? – спросила Анята.

– Не буду уточнять дату, но самую сладкую часть своей молодости пришлось отдать подневольному труду.

Их беседу прервала официант. Она на подносе принесла вино с холодными закусками, составив всё на стол. А перед Анятой водрузила маленький графинчик водки:

– Анята твоя «Старка», – сказала она, – а горячее я принесу минут через пятнадцать. Вам разлить спиртное по рюмкам? – спросила она.

– Спасибо Шурочка мы сами за собой поухаживаем. Пока выюжит на улице, нам спешить некуда, – не стала торопить её с горячими блюдами Анята, – мы тебе подадим сигнал готовности.

Виктор взял в руки графин и налил Аняте водки, а себе заполнил в фужер вина.

– Выпьем за пургу в Таймыре, – сказал он, – хоть она холодом обжигающая пришла к нам, но сводницей оказалась великолепной. Познакомила меня с самой привлекательной и умной полярной барышней.

– Меня так никто ещё не называл, – с довольной улыбкой сказала она. – В экспедиции меня все называют Пушицей, – это такая многолетняя трава, которая произрастает в тундре по своей структуре чем – то напоминающий тополиный пух. И из-за того, что я кроме капюшона не признаю никаких головных уборов, меня и зовут Пушицей.

Эта фраза была произнесена с достоинством, и Виктор понял, что Анята гордится своей Пушицей. Но отпускать свои комплименты не спешил. Боялся излишества.

Она же, вроде словно испытывая нервы нового знакомого, взяла в руку прядь своих волос и, показывая их Виктору, объяснила:

– Понимаете, когда они притягивают к себе иней или снег, то мои волосы становятся похожи на пушицу.

Она осторожно ударила своей рюмкой по его фужеру и, приподняв свои ниточки бровей, негромко произнесла:

– За пургу!

Отпив половину стопки водки, Анята подвинула к себе заливное из говяжьего языка и принялась его разрезать ножом на мелкие кусочки.

– Как многогранна наша жизнь и как похожи, иногда бывают человеческие судьбы, – сказала она, пряча свой взгляд от Виктора. – Хотите, верьте, хотите, нет, но я тоже была на ваших курсах стойкости почти два месяца.

– Я понял, вы мне хотите подыграть, – с недоверием произнёс Виктор. – Женщина с таким красивым и умным лицом не может быть преступницей.

– А я ей и не была, – взметнула вверх она ниточку своих извилистых бровей. – Произошла чудовищная ошибка правоохранительных органов, которую они сами и исправили при активной помощи одного мальчика по имени Влад.

А насчёт своего лица я вам одно скажу; – в следственном изоляторе не хуже меня сидели девушки. Милицию сейчас внешностью не возьмёшь, рубят в наше время всех поголовно и очаровашек и лягушек. Им лишь бы тело было, а статью они подыщут. Ваше лицо тоже можно смело относить к херувимам, если бы не решительный я бы даже сказала артиллерийский взгляд. И речь у вас грамотная ни одного жаргонного словечка от вас не услышала. Это видимо,

потому что вы окончательно порвали со своим прошлым и как я понимаю давно, если смогли сделать неплохую карьеру. Всё – таки руководитель монтажного управления, – это уже впечатляет.

Не знала она, что повлиять на его личную судьбу и судьбу монтажного управления ему помогло вышестоящее начальство.

Компания по искусственному банкротству управления из Москвы гуляло по базе, как единоличные хозяева. Они совали свой нос повсюду, где нужно и где не нужно, планируя, где разместят, своё оборудование. Эта бесцеремонная наглость злила не только рабочих, но и в первую очередь начальника управления. Он сорвался на одном из таких не прошенных гостей. Как известно, что на крайние меры осмеливается сильная личность, которая знает своё дело. Одного из членов комиссии по банкротству за неправильную речь Виктор просто выкинул из своего кабинета, что привело к ускоренному краху его управления. Через день в помещение появились бойцы правоохранительных органов в бронежилетах и с автоматами наперевес. В то время шёл настоящий грабёж народного хозяйства страны, которое называли приватизацией. От неё простой народ ничего, в общем – то, не получил. Кроме сомнительных бумажек называемые ваучерами по цене одного литра водки. Хотя правительство обещало что на один ваучер можно купить, два автомобиля. Вскоре на базе монтажного управления было создано новое управления названное «Сталь Европы», где единоличным хозяином стал наглец из Москвы, которого Виктор выкинул из своего кабинета. Виктор с болью вспомнил эти жизненно нерадостные моменты, но говорить Аняте об них не стал. После небольшой паузы он почувствовал в воздухе её явственно горячее дыхание. И, опомнившись, что по его вине был прерван разговор, оживился и вернулся в тему:

– Наверное, вы правы, – завязал я со своим прошлым давно, хотя я и никогда не был опасным для общества. Был мальчишеский азарт и склонность к риску. А если есть риск по криминалу, значит вход в красно – каменную тюрьму неизбежен. Нашу тюрьму называли дачей Раевского или Краснота, – пояснил он, дотронувшись рукой до своих с проседью бровей, и посмотрел в заснеженное окно, где заставляя дребезжать стёкла, завывала пурга.

– Каждая тюрьма в любой стране имеет своё название, – произнесла Анята, – и все эти названия дают тюрьмам сами арестанты за их значимость.

– А что же за чудовищная ошибка произошла с вами? – спросил Виктор.

Она опустила глаза в пол и недовольно сморщила нос, что сразу про себя отметил Виктор. – Но если вам неприятно вспоминать прошлое, то не говорите, я не обижусь, – попытался он исправить положение.

– Приятными эти воспоминания не назовёшь, но я вам охотно расскажу про мою незаконную каторгу, – сказала она. – Вы располагаете к откровенности, – доверчиво обвела Анята его своим взглядом.

Она вытащила из кармана пачку сигарет и закурила:

– Это дело было в небольшом портовом городе Хибарке на Енисее шесть лет назад. Я считалась в то время уже опытным геологом. Меня на гидрографическом судне вместе с молодым геологом отправили за неделю до глобальных работ приводить в порядок наш сезонный летний лагерь. Но вначале был лагерь нашей геологической партии в сто пятьдесят километров от этого места, где мы сейчас находимся, – начала она свою исповедь.

Новичок

Он появился в экспедиции неожиданно с большой сумкой наперевес и с профессиональной видеокамерой. Звали его Артур по фамилии Курышев. Артур стал себя вести так, будь – то всю жизнь проработал геологом. Он учил всех, и смело отдавал команды опытным геологам, которые относили в экспедициях более десятка штормовок и истоптали не одну пару сапог. Все знали, что этот парень появился не случайно в экспедиции, а по звонку своего влиятельного и важного папаша из Красноярска. Персонально парень был прикреплен к Анюте Полати, которую все звали Пушицей. К молодому геологу никто не прислушивался, но вид делали, что одобряют его слова. Зачем геологам было спорить с человеком, который не имел никаких видов на тундру. Он всем говорил, что родной папаша отправил его временную ссылку до августа, чтобы вес нагулять и запечатлеть на камеру редкие северные ландшафты.

Это был высокий и худосочный парень с бледным, как его зубы лицом. Несмотря на дистрофическую фигуру, Артура его, без всякого сомнения, можно было назвать красавцем. Он был белокурый и его причёска, как у Сергея Есенина всегда была ухожена. Чуть вздёрнутый кверху нос никогда даже при его проявленном недовольстве ни одной ноздрей не менял своего очертания. Но как он только начинал улыбаться, то его привлекательность преобразалась в отвратительную рожу. Это была отрыжка хамства и высокомерия молодого сноба.

По вечерам он покидал лагерь, не забыв захватить с собой камеру. Никто за ним никогда не следил, он приходил поздно, когда уже все спали. Экспедиция догадывалась, что он ходил в небольшой посёлок ненцев, но что он там делал, никто не знал. А, утром не выспавшись, Артур, поднимался под сильным напором геологов недовольным и раздражённым, поливая грязными словами тех, кто не дал ему в полной мере почивать, оборвав ему сладкие сновидения. Так – же порядком доставалось и тундре, которая не желала сбрасывать с себя белое снежное покрывало, несмотря, что по календарю шли последние дни весны.

– Ты приехал сюда трудиться Артур, а не отсыпаться как ежик. Будь добр соблюдать наш режим, – каждое утро назидательно повторяла ему Аня.

– Ты мне, что мама родная или патриарх всея Руси? Проповеди читать мне не надо? – недовольно огрызнулся он, – я сам с усами, или ты вторилась в меня по уши? Присосалась, как пиявка. Так знай, что я не люблю немых женщин. От них дурно пахнет.

– Дурень сиволапый, – без злобы бросила ему Аня, – в отличие от тебя я моюсь ежедневно, не смотря, что для женщин геологов не изобрели автономный восходящий душ.

– Ты парень давай осторожней разбрасывайся словами? Не надо упражняться в безумстве, – осёк его Гриша Буслаев, – геодзист и по совместительству моторист, – а не то мы тебя упакуем в однотонный контейнер и с началом ледохода отправим на льдине к своему высокому папаше.

– Да ну вас, – вихляя телом и помахивая полотенцем, подошёл к рукомоёйнику Артур. – Лучше в Чуйской долине на маковых плантациях работать, чем в вашей проклятой «хлопковой» тундре.

– Ну, вот и вали туда, – сказала Аня, – и запомни тундра не любит разгильдяев, она уважает дисциплину. И ещё заруби себе на носу, если хоть раз пойдёшь в селение этносов, сама доложу начальнику экспедиции о твоих передвижениях. Он лично мне поручил приглядывать за тобой везде и всегда, чтобы ты ягелем не обкушался, как северный олень.

– Ах, так ты шпионка, – скривил он губы от нахлынувшей злобы. – Значит, Мата Хари, в нашем стане объявилась, – заголосил он. – Запомни пуговица, – за досуг мне зарплата не идёт и свободным временем я волен распоряжаться по своему усмотрению. А к этносам я ходил, и ходить буду. Мне надоела ваша гороховая каша с поддельным тушёным мясом и сухая кар-

тошка. А в посёлке я олешку кушаю и краля у меня там богатая. Зовут Ого, – она дочь почтенного человека. Почти ханша.

– Так ты же только сейчас говорил, что не любишь немых женщин, – засмеялась Анята, – а у них в посёлке двадцать дворов и баню, они топят в лучшем случае раз в месяц.

Артур повернулся к Аняте лицом и, заикаясь, произнёс:

– Ты, что не поняла она ханша и моется только в парном молоке или в родниковой воде.

К Артуру подошёл Алёша Маркин и, положив ему на плечо свою тяжёлую руку, так, что тот согнулся под её тяжестью и прямо в ухо пробасил:

– А я думаю не шпионка у нас появилась в стане, а великий придурок с гремящими костями и блудливыми глазами. Мы поголовно знаем всех жителей в посёлке. В том числе и Юргу, у которого в доме через щели пола лишайник пробивается. И если его безграмотная дочь Ого почти ханша, то я тогда господь бог. Умывайся, – повернул он Артура к рукомойнику. – И вперёд навстречу ветру. Как, только Енисей полностью освободится от льда, поменяешь дислокацию вместе с Анятой. Поедете ближе к югу в Хибарку, займётесь там покраской комнат. Позже к вам приедет Гриша, – дизель будет запускать. Так, что даю тебе мудрый совет. Не доставай Пушицу своим ядовитым гонором иначе она тебя бросит там комарам на съедение. Мы здесь тоже не задержимся. Следом за вами приедем, как только завершим все дела здесь.

Не знали тогда никто, что слова Маркина окажутся пророческими, Артур нарушит все заповеди суровой природы Крайнего Севера. И закончит в Хибарке свой короткий жизненный путь.

Не ешь бананы, Артурчик

Ледоход на Енисее, это удивительное зрелище, и за ним наблюдают не только те, кто живёт на берегах самой полноводной реки России, но и те, у кого дома стоят в глухих уголках Красноярского края, а также нагрянувшие на берега Енисея туристы. Этот процесс природы, напоминал сибирякам, что наступило лето и ждут его жители Восточной Сибири не меньше Северного сияния. Толстые льдины громадных размеров, которые были предварительно разрезаны острым носом ледокола, стремительно неслись по реке. Они прорывались, словно танки вперёд, взламывая и сокрушая на своём пути более тонкие пласты льда. Если где – то создавались заторы то ненадолго. Мега – льдины с лёгкостью разрушали перед собой все препятствия и более тонкий ледяной покров. Тем самым, очищая для себя путь. В это время на реке стоит оглушительный треск, который наблюдавшие люди восхищённо воспринимали с оглушительным криком и свистом. Это зрелище неповторимое, такого ледохода не знает ни одна Российская река. Енисей могуч, – это Атлант среди всех рек России. Он знаменит не только благодаря своим судоходным притокам, как Ангара и Подкаменная Тунгуска, но и близким родством с самым холодным северным Карским морем, которое в октябре месяце, словно мороз – воевода при помощи бога Борея начинает дуть свои лютые морозы на низовья Енисея и планомерно сковывает реку толстыми льдами. Енисей очень сердит во время шторма и не сладко тому придётся, кто с пренебрежением относится к его нравам, выходя на лодке или катере в непогоду рыбачить в низовья реки. Зачастую эти беспечные люди на берег уже не возвращались. Их лодку или катер, может окутать гигантская волна, от которой нет спасения. Это не волна а мини – цунами, так называют её прибрежные жители и спасательный круг с жилетом перед этой волной бессильны. Эта волна не теплых морей, а сурового, не любящего шуток Енисея, где вода даже в летнее время редко бывает выше нуля градусов. За считанные минуты происходит переохлаждение организма, и человек бесследно исчезает в пучине этих хмурых вод. Как только ледоход пройдёт так на следующий день река сразу оживает. Начинают снова юркие катера и буксиры. Это значит, что морские ворота в порт Хибарку открыты. Из Карского моря появляются труженики – сухогрузы, чтобы до отказа загрузится российским экспортным лесом.

Анюта вместе с Артуром сошли на берег порта Хибарка с гидрографического судна, где их ждал уже открытый вездеход с водителем – башкиром по имени Ильдар.

Он должен был отвезти их в базовый лагерь, где по соседству с геологами находилась метеорологическая станция. Артур нёс всё ту же большую сумку, с которой первый раз появился в экспедиции и мешок, сшитый из стеклоткани, перевязанный скотчем.

Хибарка их встретила ясной и солнечной погодой. От большого скопления новых людей на улицах города настроение их заметно улучшилось. И к тому же они приехали в цивилизованный, хоть и небольшой, но город.

Попросив водителя вездехода, чтобы он вначале завёз их на рынок, они удобно устроились на потёртых сидениях. Рынок находился недалеко от порта. Анюта купила там свежей телятины и ранних овощей с зеленью, которые торгаши с первым теплоходом завозили с материка. Цены кусались, но после провианта тундры, который изрядно опостылел за время нахождения в тех широтах, хотелось отведать чего – то экзотического. Артур сразу купил три вязанки бананов и килограмм клубники. Сложив все покупки в машину, и пройдя через дорогу мимо отделения милиции и почты, они оказались в гастрономе. Анюта подошла к хлебному отделу и когда стала рассчитываться за хлеб и баранки, то увидела, как Артур засовывает в карманы штормовки две бутылки водки. Под мышкой у него были зажаты три блока сигарет «Честерфильд».

– Артур мне почему – то думалось, что ты не употребляешь спиртное, – сказала она, когда они вышли из магазина.

– А я не для себя взял, а для угощения, – ответил он – тебя сегодня вечером угощу, а может ещё кого. Кто мне, конечно, понравится – добавил он и безобразно шмыгнул носом.

– Я пью Старку или калгановую настойку на спирту, – ответила Аня, – и при мне всегда флажка с этой целительной настойкой имеется.

Она взглянула на связку почерневших бананов, которую он как противотанковые гранаты держал в руке и спросила:

– Бананы тоже взял для угощения?

– Нет, бананы, я сам люблю, делиться не с кем не буду, разве, только тебе один выделю, но только не из уважения, а из – за деликатности.

– А не боишься? – спросила она.

– Не понял? – остановился он на дороге и с любопытством посмотрел на Аню.

– А чего тут понимать, – бросила она ему на ходу, – бананы летом поглощать, значит притягивать к себе тучи комаров. Они любят приторные запахи этого плода.

– Сказки мне только не рассказывай, – с недоверием ухмыльнулся он, – эти насекомые, кроме крови и воды ни чего не чувствуют. С бананов они не потолстеют, – потому что эти кровососы не травоядные животные.

Он вдруг замаялся и, протянув Аню бананы, сказал:

– Подержи. Я ещё в аптеку сбегаю, витамины куплю и мази от комаров.

– Поступай, как хочешь, – отмахнулась она от него, – но все – таки поостерегись, их вечером есть.

Вездеход, напролом передвигался по лесной и неровной дороге не объезжая ухабы и кочки. И от такой езды геологов так подкидывало, что у Артура выскакивали бутылки из карманов.

– Ты куда спешишь? – крикнул он водителю.

– С метеостанции звонили в контору, просили мальчишку захватить с Кедрового озера. Он рыбачит там. Боюсь, уйдёт пешком, неудобно перед Симоновым будет. Тем более в лесу может и заплутать, а комарья в этом году, как никогда. Видимо, не видимо.

– Ильдар, а откуда у Симонова мальчишка взялся? – спросила Аня у водителя.

– Племянник к нему из Минусинска приехал на каникулы. Рыбаком заядлым оказался. Я его туда и отвозил вчера.

– Он, что один там? – спросила Аня.

– Один, да он уже самостоятельный. На повара учится, зовут Владом. Кого ему бояться. Там балок Симонова стоит. Он хоть и на полозьях, но добротнее любого дома. Есть, где схорониться от непогоды и комаров. А лихие люди в этих местах не появляются. Они до осетра и сига охочи, а эта порода рыб плавают только в Енисее. И не зима сейчас, чего бояться, и карабин при нём. А с ружьишкой он обращается вполне грамотно. Видно сразу, что он человек таёжный.

– А чего озеро Кедровым назвали? – спросил Артур, – неужели здесь кедр растёт.

– Стлаником кедровым это озеро окружено, вот так и назвали, – объяснила Аня, – а озер здесь много. Именно это озеро находится в двенадцати километрах от нашего лагеря. Оно хоть и не самое ближнее, но рыбы в нём больше чем в других озёрах. Там водится ленок, щука и разная – мелочь.

– Мне до фонаря, что там водится, – с безразличием ответил Артур, – я рыбу ловлю только в магазинах. Не рыбак я Аня. Понимаешь?

– Ты Артур вообще для меня непонятная личность, – вначале думала слепой крот или снежный человек? Сразу не поймёшь. – иронизировала Аня. – Сейчас могу точно сказать, что ты не рыбак, не студент и уж совсем не геолог. Так себе. Просто мальчик с видеокамерой. Под репортера косишь.

– Я студент, – обиженно сказал он, – только в настоящее время нахожусь в академическом отпуске. А репортёром я обязательно буду и наверняка известным. Ты ещё услышишь обо мне. За праздник будешь считать общение со мной! Но я у тебя интервью брать никогда не буду, потому что ты старая почтовая погашенная марка Советского Союза. А это сейчас не актуально, спросом не пользуется, не смотря, что ты и миленькая.

Артур с умилением покосился на Анюту но, встретившись с жёстким женским взглядом, сразу отвёл свои глаза в сторону.

– Хорошо, хоть эту черту во мне оценил, – промолвила она отвлечённо, и не убирая от него своего пристального взгляда, выразила своё возмущение:

– Сомневаюсь я, что из тебя, что – то путное может получиться. Я периодически ежедневно обращала на тебя внимание, и не было дня, чтобы ты хоть раз не уткнулся своей высокомерной физиономией в снег. Ноги у тебя слабые, а про мозги я пока промолчу.

Её слова ему ужасно не понравились и он, выпучив глаза, от злости брызгая слюной, вдруг неожиданно не своим голосом истерически закричал:

– Ты сучка пегая совсем голову отморозила в тундре. Я больше твои подковырки терпеть, не буду. Ещё раз залезешь в мой адрес, утоплю в первом гнилом и тухлом озере, которое попадётся на нашем пути.

– Попридержи свой грязный язык заморыш или сегодня же улетишь к своему папаше. Я твой пошлый уличный сленг терпеть, тоже не намерена. И попробуй только хоть на минуту отлучится от меня. Я имею чёткие указания от руководства: в случае твоего неповиновения без разговоров звонить твоему папаше. И номер телефона его у меня вот здесь лежит, – показала она записную книжку, обернутую в целлофановый пакет.

Он сразу насупился и приумолк.

В это время Ильдар остановил машину и, покачивая головой, вышел из машины, не объяснив своим пассажирам, куда он направился.

– Вернулся он с рюкзаком за плечами. Следом за ним шёл низкорослый юноша. На вид пареньку было лет шестнадцать, не больше. Он нёс в одной руке охотничий карабин, а в другой руке рыболовецкие снасти. На голове у него была нахлобучена серая панама, а на ногах рыбацкие резиновые сапоги, называвшие у рыбаков броднями. Сапоги эти закрывали всю нижнюю часть его тела, и мешали нормально передвигаться. Когда они подошли ближе к машине Анюта, шутя, обратилась к мальчику:

– Зачем ты Влад свой улов в сапогах спрятал, неужели не хочешь с нами поделиться?

Влад поняв юмор девушки, добродушно улыбнулся и, поздоровавшись с незнакомыми людьми, помог снять Ильдару с плеч рюкзак. Затем за хвост вытащил из него крупную щуку и протянул её Анюте.

– Что ты Влад, – замахала она, смущенно руками, – вези всю рыбу на станцию. Я пошутила.

– А я не шучу, – продолжал улыбаться он.

– Бери дура, – толкнул Анюту в бок Артур, – пожарим на базе сейчас.

Она сделала вид, что не услышала обидных слов Артура. Открыв дверь вездехода и, выйдя из машины, двумя руками приняла щуку, и как бы оценивая вес рыбы, подняла её вверх несколько раз. В это время её руки незаметно подобрались к голове щуки. Когда она почувствовала, что крепко держит рыбу, изловчившись изо всей силы, ударила ей по лицу Артура, сидевшего в автомобиле, и бросила ему щуку на колени.

– Ты, что совсем ненормальная? – отпрянул он от Анюты, приложив ладонь, к покрасневшей половине лица. – Я тебе, что Чеховский Ванька Жуков или тёрка для ликвидации рыбьей чешуи.

Анюта с острасткой взглянула на Артура давая понять, что с ней связываться небезопасно для здоровья:

– Я тебя скоро уничтожу, если услышу в свой адрес непозволительную лексику, – сказала она и, отодвинув его рукой к противоположной дверке автомобиля села в салон. Потом вдруг на неё накатил неудержимый смех. Когда приступ смеха у неё прошёл, она добавила:

– Похвально Артурчик, что ты Чехова знаешь, а я уж подумала, что ты кроме Буратино ничего не прочитал за свою жизнь.

Артур сидел, насупившись, и на её колкую фразу ответа не дал. До конечного пункта они ехали молча, не проронив ни одного слова. Только Влад рассказывал Ильдару о своей удачной рыбалке.

Когда они приехали до места, Ильдар вначале завёз на станцию Влада, а затем геологов. Метеостанция от лагеря была разделена несколькими колючими струнами проволоки, и обзор с одного объекта на другой был превосходный. Разница была только одна, станцию тщательно охраняли, а в лагере геологов в штате даже сторожа не было, но за ним присматривал порой Ильдар.

Лагерь состоял из двух бревенчатых барачков, небольшой столовой и выложенной из красного кирпича моторной станции, где стоял дизель для подачи электроэнергии. Около узкой речки, которая протекала за колючкой, находилась баня, сколоченная из толстого бруса.

Ильдар помог донести им вещи и продукты до барака, не забыв прихватить брошенную на пол вездехода шуку.

– Держи эту барракуду, – торжественно он передал рыбу Артуру, – отомсти ей за своё лицо, поджарь её повкуснее, да не забудь Анюту угостить, это вас примирит.

– А я на неё не в обиде, – сказал Артур, насупившись, не смотря в сторону Анюты.

Анюта положила свою ношу на длинный стол, обитый клеёнкой, и прошлась по неуютной полупустой комнате. Затем ногой скovyрнула от пола несколько пластов облупившейся краски и, посмотрев на Артура, сказала:

– Вот это нам нужно с тобой ободрать и валиком наложить свежую краску. И необходимо косметический ремонт сделать во всех жилых помещениях и столовой. Нам здесь три месяца придётся жить.

– А краска и валики есть? – спросил Артур.

– Всё здесь есть, – ответил Ильдар, – я два дня назад завёз. В столовой оставил ключи от всех дверей. Анюта знает, где они хранятся. А я завтра утром к вам приеду, помогу. За неделю думаю, управимся, – сказал он и покинул лагерь

– Я думал он с нами останется, – сказал Артур, – показав на выехавшую машину из ворот лагеря.

– Зачем ему здесь оставаться, – у него дом в городе и семья. А вообще – то он человек нашей экспедиции. Персональный водитель и присматривает за этой базой, когда она пустует, – уточнила она.

– Анют, ты на меня не обижайся? – извиняющим голосом вымолвил Артур, жуя банан за бананом. – У меня машинально, автоматом эта пошлость вылетела. Что – то заклинило и на секунду померещилось, что около меня сидит Галька Водопьянова, девчонка с нашего двора. Мы с ней постоянно воюем.

– Ладно, проехали, – спокойно, сказала она, – но ты Артур всё – таки напрасно налегаешь на бананы. Я тебе вполне серьёзно сказала, что комары тебя сегодня заедят. Тем более, ими сейчас весь аппетит перебьёшь. Я ведь мясо хочу приготовить и салатов из зелени нарезать.

– Бананы вреда не нанесут моему аппетиту, я после них хоть быка одолею, – сказал он, отдирая от вязанки следующий банан.

– Тогда бери все продукты и пошли в столовую, затопим печь, – скомандовала Анюта, – После пойдем вместе за питьевой водой, чтобы ты на будущее знал, где мы её берём. Да и баню надо будет обязательно сегодня к вечеру протопить.

Растопкой печки занялась сама Анята, как оказалось на поверку, Артур и с этой простой задачей не мог справиться. Когда дрова в печке начали потрескивать, они взяли вёдра и набрали ключевой воды.

– Ну, вот теперь можно и на баню переключиться, – перелив всю воду в молочную флягу, сказала Анята, и протянула Артуру два пустых ведра.

– Твоя задача с реки натаскать полный котёл воды, а я буду растопкой бани заниматься, а потом встану к кухонной плите.

Он опустил вёдра на пол и подошёл к разделочному столу. Взяв в руку большой нож похожий на мачете, ударил им по голове шуки. Удар получился слабым и неточным, голова рыбы осталась на месте.

– Получай сволочь кровожадная, – произнёс шутливо он, – калёной сковородки тебе сегодня не избежать!

Он потрогал пальцами остриё ножа и, сморщив нос, определил:

– Тупой, как валенок, – и бросил нож на стол.

– Сам ты тупой, – передразнила его Анята и, взяв нож в свою руку, быстрым и точным движением отсекла рыбе голову.

– Вот, как надо, – с гордостью произнесла она и воткнула ножик в крышку стола.

– Анят, а в бане мыться мы с тобой вместе будем? – спросил Артур.

– Перебьёшься на изжоге, – оборвала его Анята и глазами показала ему на пустые вёдра.

Он с неохотой взял вёдра и пошёл за Анятой.

– Воду будешь брать с речки, там ближе носить, чем отсюда и не забывай подкидывать дрова.

– Понятно, – буркнул он и направился к реке.

Анята, зная, что за этим избалованным белоручкой нужно перепроверять всю его работу и поэтому стала наблюдать за ним из окна столовой, как он носил воду, и не забывала взглянуть на дымящую трубу бани. Артур после каждой ходки с реки садился на поленницу дров и выкуривал по одной сигарете и вновь не спеша, шёл за водой, не забыв и у реки тоже покурить. Он на некоторое время выпал из её поля зрения и она нигде его не увидав, бросилась на улицу. Артур в это время выходил из спального барака, где у них лежали вещи, и что – то прятал в грудной карман. Встретившись взглядом с Анятой, он от неожиданности вздрогнул. Это был испуг. И этот испуг не ушёл от зоркого глаза Аняты. Она с явной подозрительностью смотрела на своего подопечного:

– Ты, что воды уже натаскал? – спросила она.

– Сейчас закончу, – попятился он назад.

– А чего за пазухой прячешь?

– А это, – запустил он руку в грудной карман и показал ей баночку с витаминами, – надо принять для восстановления сил. Водовозная работа все мои скудные запасы калорий сожгла. А я подвержен авитаминозу.

– Восстанавливай свои силы, только про дрова не забывай. Протопи баню, как следует, – наказала она ему и пошла на кухню.

– Будет всё all right! – крикнул он ей вдогонку.

На кухне она немного забылась. Приготовив мясо, она начала разделять рыбу и вспомнив, что давно не видела Артура, с ножом в руке прильнула к окну. Его нигде не было видно, и труба на крыше бани не придавала признаков жизни. Почувствовав, что – то неладное она машинально, не выпуская из руки окровавленный нож, бросилась в баню. Но его и там не было.

От набежавшей тревоги сердце её чуть ли не выпрыгивало из груди. Возбуждённая она подбежала к охраннику станции и неровным голосом спросила у него, не видал ли он молодого парня, который приехал с ней на машине. Увидав около себя возбуждённую женщину с окровавленным ножом, он вначале опешил, но быстро очнулся и спокойно ответил:

– Видал, когда воду он носил, но это было часа полтора назад. Покричи, может по лесу, где ходит или прилёт за кустиками.

Тем временем охранник с соседнего объекта, не сводил взгляда с окровавленного ножа.

Анюта бросилась к болоту. Женское чуть её подсказывало, что случилось, что – то непоправимое, от чего густеет в жилах кровь. Она в лёгких кроссовках полезла в болото, не понимая, что в нём она ничего не найдёт. Под ногами противно хлюпала вода, тело коченело, но она последовательно проверяла каждый болотный куст, где смог бы залечь Артур. Но его нигде не было, только громким эхом раздавался её голос, когда она звала его. Вся мокрая с охрипшим голосом и изнурённая она вернулась в лагерь. Не переодеваясь, она вызвала спасателей.

Несмотря на многочисленную армию поисковиков вместе с вертолётами, Артура не найдут ни в этот день ни в другой. Присутствие его важного отца, который появится с генералом МВД, результатов никаких не даст. В бане найдут использованный шприц. В его вещах, обнаружат четыре дозы героина, но этот факт на следствии фигурировать не будут. В мешке, который у него был, перетянут скотчем, лежало пятнадцать шкур горностаия и один песец. Геологи с опозданием узнали, откуда появилась пушнина у Артура. Он за эти шкурки сумел посадить на иглу несколько охотников – этносов, не забывая при этом и про свои вены. Стала ясна разгадка его ежедневного посещения посёлка, но, к сожалению это было тоже запоздалым фактом, как для Анюты, и для охотников – этносов.

Охотники – промысловики превратятся в настоящих наркоманов. Анюту на третий день после ничего не давших поисков арестуют и продержат под следствием в тюрьме целых два месяца. Высокий чернобровый следователь с заячьей губой, каждый день будет её склонять к признанию в убийстве Артура. Он до посинения уговаривал ни чём не повинную женщину, чтобы она подписала лично им состряпанный нелепый сценарий преступления. Где Артур якобы склонял её к половому акту, и она в состоянии аффекта вонзила в него нож, а тело сбросила в трясину. Следователь разъяснял ей, что по этой статье она больше двух лет не получит. Но Анюта была верна себе, держа стойко свою позицию, не зная, что её коллеги не верили в её вину. Они в то время вместе с Владом прочёсывали ежедневно близлежащую округу. Тело Артура, изъеденное комарами, отыщет Влад. Оно лежало на вышке с лёгкой крышей, около станции, где стоял большой резервуар для питьевой воды, которой пользовались только в том случае, если ключ, бивший из земли чистойшей водой иногда на время «засыпал». Поэтому никому и в голову не пришло, заглянуть туда. Из-за крыши его не смогли увидеть и с вертолёт.

Наблюдательный Влад заметил, как стаи сапсанов кружили над вышкой и, когда он несколькими выстрелами разогнал стервятников, тогда и залез на вышку. И чуть не задохнувшись от запаха разлагавшего трупа начал созывать всех геологов.

...Вскоре к Анюте в камеру следственного изолятора придёт следователь с заячьей губой и ознакомит её с официальным заключением судебно-медицинской экспертизы.

Эта экспертиза подтвердила, что причиной смерти Артура являлось не только употребление наркотиков, но и укусы комаров.

Анюту отпустят из тюрьмы.

Но никто из правоохранительных органов и больших чиновников не понесёт за эту роковую ошибку наказания и мало того, даже извиниться перед ней никто не удосужился. Но это её уже не интересовало. Главное она была на свободе и без всяких мытарств восстановлена на прежнюю работу.

Песня для Анюты

В ресторане небольшой группой музыкантов исполнялся шансон. Женщина средних лет, приятной наружности пела песню знаменитой певицы Любаша, «Падает снег». Внешность певицы, были очень схожи с данными знаменитой артистки, но голос был большой противоположностью, как она только не пыталась изобразить Любашу. И любой человек хотя бы чуточку разбирающийся в музыке, легко мог угадать, что этой женщиной исполняется обычный ресторанный ширпотреб с явной фальшью. Столик геологов не слушал её, они вели свои разговоры и иногда поглядывали в сторону Анюты и её соседа по столу. Седовласый Боб раздражённо задушил в пепельнице сигарету прокашлявшись, изрёк:

– Любаша женщина неповторимая, и её песни останутся на все века. Не знаю, как вы братики, а я лично терпеть не могу, когда женщина поёт фальцетом, – сказал Боб геологам, – зачем портить песню великой певицы. Если бы Любаша услышала здесь такую чернуху, в айсберг бы превратилась от возмущения.

– Я что – то не знаю такой певицы, – сказал геолог Герман, который, до Дудинки, раньше работал на Курейке, и на Хатанге и считал себя закоренелым полярником.

– Значит, жизни не видал, – ответил ему Боб, – Любашу слушать одно удовольствие. Её песни не обрастают плесенью, несмотря на их возраст. Они всегда популярны и красивы, как сама Люба.

– Что ты ему объясняешь Боб, сказал Алёша Маркин, самый старший по должности геолог. – Молодёжь сейчас любит металл и песни с казахским текстом. Им Земфиру подавай.

Герману не понравилась подковырка своего начальника, и он чуть задёрнув змейку на своей штурмовке, обиженно произнёс:

– Я давно вышел из этого возраста, чтобы слушать их, – но Шаляпина и Стравинского тоже не слушаю, как и вы. А популярных певцов всех знаю.

– А Роберта Яшина знаешь? – спросил Маркин.

– Льва я Яшина знаю, а Роберта не знаю.

– Да вот он сидит, – обнял Маркин Боба.

За столом раздался громкий смех геологов.

– Откуда мне знать, что Боб это Роберт, да ещё Яшин, – смутился Герман, – я же геолог, веду жизнь и работаю в тундре, а не в паспортном столе.

Герман окинул быстрым взглядом Маркина и, прикуривая от зажигалки сигарету, утвердительно кивнул:

– Согласен Алексей с тобой. Боб профессионально владеет своим инструментом, но он знаменит только в тундре, а голоса у него совсем нет.

– Если человек поёт душой, то это посильнее будет любого красивого голоса, который бездушно исполняет песни, – объяснил Боб, – так примерно говорил, великий Утёсов.

– Боб, а слабо тебе сыграть здесь на своём аккордеоне? – спросил геолог Костя.

Боб чуть задумался над неожиданным выпадом геолога, но не спасовал. Ловя вилкой зелёную горошину в салате, ответил.

– Да не то чтобы слабо, а просто не хочется хлеб отбирать у местных музыкантов. Вы же хорошо знаете, что мне покоя не даст этот люд, что находится в ресторане.

– А ты пару вещей всего сделай, – прилип к нему Маркин, – для нас румбу с чечёткой исполни и для Анюты. «Седьмое небо». Ты же сам говорил, что тебе нравится смотреть на Анюту, когда у неё тают от этой песни её зелёные глазки.

Маркин отобрал у Боба салат с зелёным горошком, налил ему в рюмку водки, и протянул на вилке дольку свежего огурца и произнёс:

– Хватит, канцерогены есть, этому горошку, наверное, уже лет пять. Пей и закусывай свежими продуктами, а я пойду к музыкантам о твоей концессии договариваться. Боб видал, как Маркин вместе с метрдотелем разговаривал с лабухами, а потом вышел из зала и вернулся с аккордеоном.

– Концессия получена Боб, – поставил он аккордеон около музыканта, – теперь уважь геологов и нашу Анюту.

Боб засучил рукава свитера, оголив свои татуированные руки напоказ зрителю и, взяв инструмент из рук Маркина, накинул ремни на плечи. Ловко пройдя по клавишам, он посмотрел в зал и, увидав на лицах посетителей неподдельный интерес, не спеша, зашёл на пятак сцены. Отрегулировав микрофон под свой рост, он обратился к захмелевшей публике:

– Уважаемые друзья я проездом с Аляски решил заглянуть в ваш прекрасный заполярный город, чтобы встретиться с близкими мне геологами. Это Лёха Маркин влюблённый без ума в тундру и Костю с дикой кошачьей фамилией, у которого нет острых когтей и клыков, но есть густая борода и неуёмная притягательная сила к уговорам. Они силком меня затолкали на эту эстрадную трибуну, чтобы я исполнил свою коронку румбу. Кому не понравится моя игра, прошу не свистеть и не кидать в меня разными объедками со стола. Я по вашим глазам пойму реакцию и если, что сам остановлюсь.

– Давай дед, мочи румбу, – раздавались выкрики из зала.

Он растянул меха и заиграл очень ритмичный танец, который ему подыгрывал барабанщик на своей установке. Перебирая, умело пальцами он своей игрой околдовал весь ресторан. Все замерли и зачарованно смотрели на музыканта с «Аляски». Виктор с Анютой тоже затаённо слушали его великолепную игру. Виктор не только слушал бородача, но и разглядывал его исколотые руки и изборождённое морщинами лицо. Он напрягал память, пытаясь вспомнить, где его судьба сводила с этим дедом. На его памяти не было знакомых музыкантов – аккордеонистов. Кроме тех, кто в далёком детстве работал в пионерском лагере. Но они в его памяти давно стёрлись.

«Этот дед, возможно, раньше работал в оркестре Олега Лундстрема или Георгия Гаряна, на чьих концертах мне приходилось не раз бывать», – думал он.

Но когда дед под румбу стал бить ногами чечётку в такт музыки и восклицать азартно на весь зал «Ай!» И «Оп!» Он отнёс свои предположения. Исполнение номера было превосходным, несмотря на то, что дед добавил в него арестантский стиль

– Я точно его знал раньше и возможно даже близко, – сказал он Анюте, минимально приблизив своё лицо к её уху.

– Прекрати гадать? – оторвала она на секунду взгляд от музыканта, – посмотри лучше на танцоров?

Виктор только сейчас сообразил, что она без всяких церемоний перешла с ним на «Ты». И это его радовало. Он как бы в знак благодарности чуть сжал её ладонь и вновь переключился на зал.

В это время в ресторане началось невообразимое – все бросились в пляс. Боб зажгёт своей великолепной музыкой весь зал. Каждый выделывал ногами, как мог, и трезвым забавно было смотреть на этот пьяный экспромт. Боб опасаясь, что хорошая музыка может превратиться в балаганный шлягер, сомкнул меха аккордеона. Мгновенно ему захлопал весь зал, а некоторые начали наперебой заказывать ему свою любимую музыку, кидая на пятак скомканные купюры разного достоинства. Услышав живую музыку, из зала ожидания потянулись в ресторан другие пассажиры.

– Я прошу прощения, – обратился он к публике, – но я имею право исполнить только две вещи, одну из которых вы сейчас только слышали. Вторую вещь я посвящаю королеве тундры Анюте, – девушке – геологу с пронизательно – красивыми и добрыми глазами.

Ему вновь громко захлопали в ладоши. Он сошёл с пятака и, пробравшись меж столиками, оказался около Анюты и Виктора.

– Боб ты меня смутил своими словами, прошу тебя, не заставляй меня принародно плакать? – еле слышно взмолилась она.

– Не могу золотце, – сказал он, – за твои слёзы уже уплачено, но ты их можешь спрятать за широкой спиной своего друга, – и он окинул пытливым взглядом Виктора

Аккордеонист сделал вступление и запел чисто мужским голосом, в котором не было ни бархата, ни слащавости. Была музыка, под которую он словно из нутра дарил песню Анюте.

Она сидела распалённая, подперев голову руками, и слушала свою любимую песню. Он пел о любви двух сердец, для которых бог создал седьмое небо.

...Он стоя перед Анютой и пел для неё, иногда переводя взгляды на Виктора. Анюта так голову и не удосужилась поднять, а он продолжал петь, беря души гостям ресторана и конечно Анюте. Взоры посетителей зала были устремлены на Анюту, она это чувствовала и сидела неподвижно, только плечи её иногда вздрагивали. Затем, не выдержав, прижалась головой к спине Виктора, тем самым, спрятав своё лицо от глаз любопытных. Ему казалось, что в этот миг он сквозь одежду чувствовал её горячее и влажное лицо. После её прятков, все взгляды публики сосредоточились на нём. Для него это было пыткой, но он с ней совладал с помощью вина и сигареты. Боб стоял около их столика уже с закрытыми глазами, что давало Виктору возможность тщательней рассмотреть лицо музыканта. Широкий шрам Боба, тянувшийся от крайней половины лба, пробивший себе дорожку через бровь до века ему ничего не говорил, так же как и наколки на руках, какие были почти у каждого зека. Но его голос рассеивал все сомнения. Он, бесспорно, его слышал.

«А может это наваждение или небольшое эхо из прошлой жизни»? – мысленно рассуждал Виктор.

Боб спев песню, исполнил импровизацию, которой можно было только восхищаться. Затем опять словами песни начинал тревожить нервные струны Анюты. Было ясно, что Анютин плач, перешёл в беззвучное рыдание. Её вздрагивание плеч усиливалось, а Боб, не обращая на это внимания, пел ещё душещипательней.

...Ресторанная публика затаённо прислушивалась к его игре и тексту песни. Было понятно по многим женским лицам, что эта песня затронула не только Анюту, но и других женщин, которые, не стесняясь, вытирали салфетками свои глаза. Но их взгляды были сосредоточены на столик где сидели Виктор и Анюта. Виктор долго держать такие прожигающие взгляды уже не мог. Он опасался, что посетители тему песни рассудят по – своему. Приняв её за неудачный роман стареющего мужчины и молодого геолога. И обязательно осудят его, не зная, что знаком он с плачущей Анютой чуть больше часа, которую они уже жалеют. Когда Боб открыл глаза, Виктор, скрестил перед своей грудью руки, давая тем понять музыканту, чтобы тот заканчивал свой концерт у их столика. После этого жеста Боб закончил песню и, поцеловал в темечко прильнувшую к спине Виктора, голову Анюты.

Затем повернувшись к публике, произнёс:

– Эта прекрасная песня принадлежит не мне, а Третьякову и, спев её здесь, я нарушил его авторские права. Но думаю, он бы меня простил, если бы знал, что эту песню я исполняю, не для пополнения своего кармана, а для мужественного народа Севера и для вот этой полярной лисички, – поцеловал он вновь голову Анюты. После чего направился на своё место.

...Как его только не упрасивали продолжить выступления, он был неумолим. И только, когда Алёша Маркин отнёс аккордеон вниз к Ирине, настойчивые просители отступили и отошли от столика.

Голова Анюты в это время с красными от слёз глазами лежала уже на плече у Виктора. Одна рука его находилась на её ладони, а второй он гладил по-отечески её волосы. Она уже не обращала внимания на публику. Ей нравился этот уверенный в себе с лицом викинга муж-

чина. Ей нравились его приятные и ласковые руки. Эти руки успокаивающе на её действовали, будь – то передавали, через кожный покров положительные импульсы. Песня аккордеониста её растрогала до крайности. Когда впервые Боб её исполнил, тогда тоже были слёзы. Но эти слёзы были среди своих людей, которых она не чуралась, а здесь её увидал весь ресторан.

«Ну и пусть, – подумала она, – пускай все завидуют. Несчастливая любовь, была позже. А вначале была яркая встреча, потом череда счастливых дней и вдруг несусветная подлость, от которой она до сих пор не может прийти в себя».

Она закрыла глаза и перенесла свои мысли на много лет назад, когда после института пришла работать в геолого – разведывательный техникум.

Калитка в зрелость

На защиту дипломного проекта Анюте Добровой мать выслала крупную сумму денег, чтобы она купила себе красивое платье и туфли.

Незамедлительно в фирменном магазине за день до защиты она приобрела себе обнову. В этом же наряде она появилась в техникуме, когда пришла устраиваться на работу

Иван Константинович Полати, – грек по национальности, невысокого роста, со смуглым лицом и цыганскими глазами оценивающе осмотрел вновь поступившую сотрудницу.

Ему было сорок лет. Работал он директором всего один год. До этого трудился в Московском институте инженерных изысканий. Имел научную степень кандидата наук и одну ногу короче другой на четыре сантиметра. По «испорченному» телефону Аня уже знала, что его совсем недавно бросила жена и сбежала в Грецию.

– Диплом ваш для меня не интересен, – сказал он ей. – И без бумаги ясно, что вы были не только умницей, и без сомнения самой красивой в институте! Надеюсь вас такой видеть ежедневно в нашем техникуме. Осмелюсь вас предупредить, что я ревностно отношусь к своим одиноким преподавателям и стараюсь, чтобы их семейное семя было посеяно в наших стенах. Согласитесь со мной, что управлять семейными парами, когда они оба преподаватели, значительно легче. И таких пар у нас несколько. Все они состоялись в бытность моего предшественника, и я стараюсь в силу своих возможностей существующий устный эдикт не ломать

– Как я понимаю это учебное заведение, а не брачная контора? – вопросительно посмотрела Аня, не поняв то – ли директор шутит, то – ли в серьёз говорит.

Он с неподдельным интересом разглядывал молодого преподавателя, словно раздевая её, и заметив осуждение в её глазах, тут же раскидал, свою обольстительную улыбку по всему кабинету

– Хочу заметить, что по статистике, сорок процентов браков совершены на трудовой ниве. А мои слова всерьёз не принимайте. Вы красивы, и в нашем заведении свободных женихов нет. Разве, что я. Хотя я имею штамп в паспорте, но это уже пустая формальность. На днях я её уничтожу.

Директор поднялся с кресла и достал из холодильника большое яблоко, которое он искусно порезал ножом. И из одного яблока получилось две розочки, которыми обычно украшают праздничные столы. Он надкусил одну половину, а вторую протянул Анюте

– Кушайте, – это не яблоко раздора, а ритуал нашего знакомства, которое мне кажется, было удачным и вкусным как это яблоко.

Аня была смущена столь неординарным знакомством с директором. К тому – же, яблока ей в это время не хотелось, но чтобы не обидеть хозяина кабинета ей пришлось съесть его. Яблоко было приторным, как и улыбка директора, но её это мало волновало. Она ждала от него решения вопроса о её размещении, считая что обязательно с жильём возникнет волонита. Но как ни странно, всё разрешилось благополучно. Так – как их заведение жильём для преподавательского состава не располагало, Полати написал ей направление в общежитие горняков, что её вполне устраивало.

В этот день, Аня и поселилась туда, где в одной комнате с ней оказалась инженер заводской лаборатории, Зинаида Лада. Она лежала почти голая в кровати и только нижняя часть тела была прикрыта клетчатым пледом. На вид ей было примерно около тридцати пяти лет.

У неё была безукоризненная внешность великомученицы и фигура женщины, не отвергающая мучные блюда и сладости. Её поза в постели напоминал Анюте портрет «Социальный смотритель спит», где в обнажённом виде Сьюзен Тайлли, позировала великому британскому художнику Люсьен Фрейду в 1995 году.

Увидав Анюту, она мгновенно ожила. Она встретила новую жилищу с теплотой и радостью. Как оказалось, при разговоре Зинаида в прошлом была геологом, но после перенесённой, тяжёлой операции ей пришлось оставить свою работу. А так-же она была коренной землячкой директора геологического разведывательного техникума и дальней его родственницей. Оба они были родом с Черноморского курортного города Геленджик, и своим трудоустройством на престижную работу в чужом краю, она была обязана Ивану Константиновичу, который много усилий приложил для обустройства её благополучной жизни. За, что она была ему премного благодарна.

Так преподнесла Анюте новая знакомая, своё появление в городе

Она оценивающе осмотрела фигуру и внешность Анюты и грустно выдавила из себя

– Ох, года мои года, как вы быстро пролетели? Как хорошо быть молодой!

Зинаида, поставив акцент на своём возрасте, не мечтала о муже, но ужасно хотела родить ребёнка. Она ещё раз окинула немного уже завистливым взглядом новую жилищу и продолжила. – В этом возрасте я никому не нужна. К тому же плохое здоровье, которое подорвала многолетняя жизнь без комфорта и естественно тяжёлая работа. Особенно было трудно в районах Крайнего Севера. Зарплата там, конечно весомая была. Иногда мне приходилось там вкалывать, как проклятой. Летом в сезон белых ночей на время не смотришь. Ждёшь вроде сумерек, а они не наступают вот автоматически, и пыхтишь, как пчёлка. Хотя свои прелести там тоже есть. Я в первую очередь ехала туда за романтикой, которой вдоволь насытилась. Особенно красив Таймыр, он заколдовывает своей красотой. Иногда там белесые туманы заполнялись багрово – синими красками. Таких туманов я нигде раньше не встречала. Это оптическое явление природы мне никто из геологов объяснить не мог. Аборигены называли такие туманы «Красной мглой», но чётких объяснений по этому поводу не могли дать. Хотя один учёный высказал свою гипотезу, что это цветная пыль от извержения далёких вулканов. Любоваться таким пейзажем – одно наслаждение и безвредность на сто процентов. Ни один прибор аномальных показаний не выдаёт. Тундра, – это вечная холодная загадка природы. Чтобы до конца изведывать её, нужны века. И мне порой, когда взгрустнётся, хочется хоть одним глазком взглянуть на этот необъятный суровый край.

– Заманчиво рассказываешь, – сказала Анюта, – хоть самой беги туда. Но я не люблю неизвестность.

– Для меня это родной край света, – говорила Зинаида. – У меня и квартира кооперативная осталась в Норильске, правда однокомнатная, – внесла она ясность. – Если у меня, здесь на материке будут неудачно складываться жизненные обстоятельства я, не задумываясь, вернусь туда. Найду себе спокойную работу и обязательно заведу себе кошечку. Без неё, уюта нет в доме

Зинаида подошла к выпуклому зеркалу, изготовленному из блестящей фольги, похожему на большой алмаз, и показала язык.

Анюта увидела в нём отражение ещё более растолстевшего на глазах тела Зинаиды и чёрные волосы, которые моментально окутала седина. Вместо глаз зияли только впадины. А язык превратился в большую мясную сардельку. От такого зрелища Анюте стало жутко, усилием воли она отвела взгляд от неприятного портрета

Зинаида увидела, что зеркало негативно подействовала на молодого преподавателя и, прикоснувшись к Анютиной руке, ласково произнесла

– Не пугайся девочка? – это всего лишь кривое зеркало. В тундре оно незаменимое, иногда лучше любого бинокля видит все просторы. А в полярную ночь, особенно когда на небе полнолуние, это зеркало служит хорошим осветителем. Мне его, кстати, подарил наш директор Иван Константинович

Зеркало Анюте не понравилось, но рассказ Зинаиды о Крайнем Севере глубоко запал в душу.

Ещё, будучи студенткой, она заочно влюбилась в эти края. И Аня в своих мыслях прикидывала, – если у неё не получится с преподавательской деятельностью ничего, то обязательно уедет осваивать Север. Хотя в то время, мифические слухи о тамошних высоких зарплатах был развеян самими северянами. Шла повальная миграция народа, которая была недовольна жизнью в холодном краю во времена перестройки

С Зинаидой Аня быстро нашла контакт. Вечером они отметили новоселье Ани бутылкой сухого вина Цинандала и горой бутербродов с дорогой копчёной колбасой. Зина после выпитого вина Аню похвалила, что она не рискнула свою молодость отдать экспедиции. Так, как полевые условия затягивают женщину в омут безбрачия.

– Разведка недр, это тот – же наркотик, – говорила Зина, – раз пошла с экспедицией, и ты считай вечная рабыня Плутона, бога подземного царства. Но хочу тебя взбодрить; не унывай, ты верный путь избрала. Ты милая и красивая, со временем познакомишься с хорошим человеком. Будете любить друг друга. Частичку счастья ты уже имеешь. Ты преподаватель учебного заведения, которым руководит великолепный человек и педагог Иван Полати. Он тебя обязательно выведет на счастливую тропу к седьмому небу

Я покажу седьмое небо

В сентябре Анюте не пришлось преподавать. Она вместе со студентами ездила на колхозные поля собирать морковь и лук. По этой причине и с директором в эти дни ей не приходилось сталкиваться. О, первой встрече с Иваном Константиновичем Полати, – она почти не вспоминала. Но когда Зина начинала в её присутствии раскрашивать радужными красками его черты характера и обаяние, которое придаёт ему южный темперамент, перед Анютиным взором появлялись его соблазнительные глаза и мохнатые от волос тёмные руки с яблоком в руке. Ей казалось, что какая – то притягательная сила исходила от него, хотя чистым красавцем Полати нельзя было назвать. Не знала Аня в то время, что когда она была на уборке овощей, Зина, по национальности тоже гречанка, как и директор, в это время своим роскошным задом приминала постель своего бывшего законного тайного мужа по фамилии Полати.

До того, пока он не защитил кандидатскую диссертацию, они вместе бороздили просторы Крайнего Севера. И развод их был настоящей фикцией, который они держали в секрете. Никто не знал, что они когда – то были законными супругами. Хотя афишировать свои отношения им было не перед кем. У них практически не было ни друзей, ни близких знакомых в этом городе, за исключением нужных связей, которыми частенько пользовался Иван Константинович.

Анюта с Полати, как ей думалось, встретились случайно в кафе «Завалинка», куда она ходила обедать каждое воскресенье. На самом деле эта встреча была спланирована Зиной и им самим. Он подошёл к ней сзади, когда она сдавала свой плащ в гардероб.

– Повесьте, пожалуйста, и мою курточку на ваш номер? – сказал он ей почти на ухо.

Она резко обернулась и, увидав перед собой директора, сильно смутилась, что забыла поздороваться, как впрочем, и он с ней, но курточку взяла.

– И часто вы обедаете здесь? – спросил он, взяв её под локоток.

– Пятый раз, – ответила она. – Не хочется в выходной день у плиты стоять. Да и готовить собственного нечего. На полках магазинов одни бычки в томате лежат, да китайские концентраты. Неужели так и дальше будет?

Усадив Анюту за пустой столик, он сел напротив её и оставив букет с вазой, который закрывал её лицо, сказал:

– Переворот будет дальше и жизнь возможно ухудшиться. Советский Союз не существует, и старые властолюбцы не потерпят этого. Но мы люди вне политики и нам любая власть подойдёт, исключая фашизм. Я не сторонник политических дискуссий, – охоту отбили ещё в институте, сердитые дяденьки. А хорошие продукты всегда можно купить на рынке. Но об этом позже, лучше сейчас давайте с вами сытно пообедаем? Я знаю, что здесь отменно готовят сборную солянку и картофельную запеканку с мясом.

– Я для этого и пришла сюда, чтобы отобедать, – заглянула она ему в глаза. – А что вас за инакомыслие били сердитые дяди? – спросила Аня.

– Нет, конечно, но внушение запоминающее сделали.

Он взял со стола меню и пригласил официанта. Заказ с холодными закусками и бутылкой водки принесли сразу. Аня впервые за свою жизнь отведала водки, которая показалась ей ужасно отвратительной. Но состояние от неё ей пришлось по душе. Она осмелела и разговаривала с директором, как со старым товарищем. Они беседовали вначале на доступные темы, но после второй рюмки он поднял тему откровенного секса, которого у молодого преподавателя в практике не было. Были только скудные познания из жёлтой прессы, от которой ломились все газетные точки. Опытный мужчина с применением разговоров на вольные темы затянул неискушённую девушку в свою паутину. Она движимая его галантными ухаживаниями и приятным баритоном оказалась неожиданно в такси. Ей было хорошо в этот час.

– Сейчас я тебе покажу настоящее седьмое небо, – сказал он ей, засунув свою руку ей под плащ. – Это не какая – то Останкинская башня в Москве, а настоящий небоскрёб с яркими звёздами и густыми облаками. Мне Питерские ребята из института Вавилова подарили оптический телескоп. Я теперь больше галактикой увлекаюсь, а не недрами земли. В ней загадок больше.

Седьмое небо он ей в эту ночь показал, но не в телескопе, а в своей постели. После этого у них начался бурный роман. Она наивная любила его без памяти, не подозревая, что Зина и Иван Константинович используют её в своих корыстных интересах. Им нужен был ребёнок, которого вынашивала Аня. Как только врачи подтвердили её беременность, он привёз Анюту к себе в квартиру. Показывая этим, что у него к ней вполне серьёзные отношения. Не забывая по вечерам навещать комнату Зинаиды, в которой она почивала одна, после того, как Аня переселилась в его дом.

Зинаида часто приходила к ним в квартиру и вела себя смело, в то же время, не давая Аняте повода подозревать, что она является не чужой в этой квартире. Бывшие законные супруги оба ухаживали за ней, кормя её высококалорийной пищей и пичкая дорогостоящими витаминами. Не давали пылинки на неё сесть. Она ждала, когда возлюбленный позовёт её в загс. Но он молчал, а она терзалась от неизвестности. Только однажды он заставил Анюту сфотографироваться на загранпаспорт. Свой и паспорт Зинаиды он хранил в сейфе, который стоял у него в кабинете. На его стремление выписать Аняте загранпаспорт она относилась скептически.

– Зачем мне он? – спрашивала она.

– Поедем в Грецию, и там же мы с тобой регистрируемся. У тебя будет двойное гражданство, как и у нашего с тобой ребёнка.

– Ты хочешь, чтобы я рожала в Греции? – удивилась она.

– Да только там, – убеждал он её, – не забывай Греция это колыбель богов. – Они будут милосердны к нам и подарят здорового и красивого малыша. Но мы вначале посетим в Афинах Парфенон и поклонимся богам, чтобы они помогли нам в достижении всех наших целей на земле эллинов.

– Иван ты же сам не в Греции родился, а в России, – пусть и наш ребёнок на свет появится здесь, – пыталась она его переубедить.

– Анята о чём ты говоришь, – возразил он, – здесь из танков по своим людям били. Двадцатый век к рубежу подходит, а хорошую жизнь только обещают. Переждать тебе надо будет эти тяжёлые времена на берегах Эгейского моря, и насыщаться сладким виноградом Эллады. У меня в Салониках очень много родни живёт. Они будут о тебе заботиться. А я буду тебя навещать, и Зина позже приедет туда. Ты же не будешь возражать, против присутствия своей подруги?

– О чём ты говоришь милый? – для меня ближе тебя и её нет в этом городе людей. Я только рада буду её присутствию.

– Ну, вот и хорошо, – облегчённо вздохнул он, – Зинаида будет тебе во всём помогать. А как только здесь тучи разведут политики, так я тебя сразу привезу назад.

– Но Зина же не бросит из-за меня свою работу? – вопросительно посмотрела она на Ивана.

– У Зины идёт большое сокращение и вероятно она одна из первых попадёт под него. Так – как, она одна из последних поступила на работу, да и квалификация у неё не та. Мои связи ей не помогут. Руководство новое сейчас на предприятии, – объяснил он.

Они всё – таки зарегистрировались, за два месяца до родов. Анята сменила русскую фамилию на Полати.

Свадьбы у них не было, – только накрытый скромный столик на троих, в небольшом ресторане с восточной кухней.

А затем была Греция. Не знала она тогда, какие невзгоды ей придётся испытать в окружении русскоязычной диаспоры.

Все они поголовно являлись репатриантами и как они не показывали свою любовь к греческому танцу Сиртаки, – для коренного населения он всё равно были людьми второго сорта. Анята же являлась для них родственницей, они заботились о ней и ничего не давали делать. Когда она родила девочку, в Салоники прилетели Иван и Зинаида. Он с восхищением, не скрывая радости, держал в руках и смотрел на черноглазую девочку. Затем на греческом языке поговорив со своей многочисленной роднёй, передал ребёнка молодой женщине с ярко выраженным орлиным носом. Та завернула малютку в простыню и вышла из комнаты.

Анята не понимала, что происходило в кругу родни Полати. Она думала, что сейчас последует какой-то местный обряд для новорождённой. Но ничего больше похожего не случилось. Женщина молниеносно скрылась с девочкой:

– Куда она понесла нашу крошку? – спросила растерянно она у мужа.

Тут ей он и объяснил, что на этом её супружеская миссия закончена и что новорождённая дочка Полати является частицей Греции. От услышанного известия, у Аняты поплыло перед глазами, и она упала в обморок. Очнувшись она в незнакомой душевной комнате, где летало много мух. Перед ней сидела Зинаида, и вытирала пот с её лица.

– Прости нас дорогая Анята? – взмолилась Зинаида, когда увидела открытые глаза своей подруги.

– Зина скажи ему, чтобы он мне принёс мою дочку, – заплакала Анята.

– Пойми подруга, назад вернуть уже ничего нельзя. Прими всё случившееся за реальность и без излишних истерических слёз с ясным сознанием перенеси потерю девочки.

– Нет, я её не потеряла, – в истерике забила Анята, – я в Советское посольство пойду. Я всё равно отберу у вас своего ребёнка.

– Опомнись Анята, Союза давно нет, – есть только Россия с пьяным президентом и шаткой властью. Они палец о палец не ударят, чтобы помочь тебе. Ты жена гражданина Греции и они не будут вмешиваться в это дело. Через неделю у тебя кончается гостевая виза, и ты покинешь Грецию на корабле. Билет до Новороссийска тебе уже забронирован.

– Неправду ты говоришь Зина, – приподняла Анята локтями своё исхудавшее тело, – Иван, поданный России.

– Был, – коротко бросила Зинаида.

– Как был? – оторопела от такой новости Анята.

– Он окончательно порвал с Россией, даже туристом не желает туда ехать. Он хочет наукой заниматься, а не обучать бездарей в техникуме. У него много научных работ по изыскательной работе, которые никому в России сейчас не нужны. Наука там, в упадке, а когда её восстановят, то время много утечёт. А я являюсь соавтором всех его работ и мы здесь с ним должны развернуться в научном плане.

– И ты с Россией выходит, порвала? – спросила Анята.

– Я нет, у меня двойное гражданство. У меня родственники по маминой линии в Калининне остались, а папины родственники в Геленджике живут. Я только по отцу гречанка. Кстати мои родители ещё живы и находятся в полном здравии. Они у меня больные геофизикой. Работают всю жизнь в проектно-институте разведки океана, и покидать Геленджик не собираются. Как бы я не любила Ивана, слепо повторять его ошибки я не могу. Мне Россия ничего плохого не сделала, да и поступи я как он, тут – же буду, проклята своими родителями. Они у меня патриоты своей родины, как и я.

– Ты не патриот, ты преступница, – зарыдала Анята, уткнувшись головой в подушку.

Зинаида вышла из комнаты и вернулась, когда Анята успокоилась.

– Мы пятнадцать лет прожили с Иваном в любви и мире, – сказала Зинаида, – но ребёнка, как мы только не пытались, зачать не могли. И виной тому было моё подорванное здоровье.

Ты же видишь у меня ненормальный вес, и поделаться я ничего с собой не могу. Мне конечно можно было подлечиться, но я была увлечена своей работой. Лечение это длительное, а я каждый год всё откладывала его. А после того, как мне отняли одну почку, надежды быть мамой совсем рухнули. Ты должна нас понять, когда нет детей в таком возрасте, то счастливого будущего нам не видать. Вот мы с Иваном и решили обзавестись ребёнком таким методом. А лишний вес он обещал мне убрать в Израиле.

– Но ведь есть другие способы заиметь детей – дрожащим голосом проговорила Аня, – есть интернаты сирот и различные дома малюток.

– Бросают детей плохие люди, из категории алкоголиков, наркоманов и преступников, – сказала Зина, – а гены лежат в хромосомах клеточного ядра, и передача наследственных признаков будет очевидной у этих несчастных сирот. Наука не врёт, и в какой бы семье приёмный ребёнок не воспитывался, генетика всё равно своё возьмёт. Ты сама это понимаешь, всё – таки институт с красным дипломом окончила.

– Как я раньше не догадалась, что вы всё подстроили, – терзалась Аня.

– Да подруга, – одарила Зина Аню тёплым взглядом. – Я Ивана так сильно люблю, что для достижения нашей общей цели решила тебе мужа подарить на время. Мы с тобой не просто подруги, а сёстры теперь.

– Ты сейчас для меня похитительница моего ребёнка, не – больше, – гневно крикнула ей в лицо Аня.

– Если быть с тобой предельно честной, то меня даже пособницей в этом деле нельзя назвать. Я была только покорной послушницей нашего общего супруга. Не думай, что ты случайно попала по направлению в этот техникум. Это Иван тебя пробил у своего друга декана Баглая, до твоей ещё защиты. Естественно Баглай не знал, для какой цели молодая выпускница с прекрасными внешними данными и отличными знаниями была нужна директору техникума. Я в какой – то мере виновата перед тобой, но не до того чтобы ты меня называла преступницей. Меня мутит от этого слова. И ты не понимаешь, как я привыкла к тебе за это время? Мне не просто будет расстаться с тобой. Но я хочу тебе предложить один выгодный вариант.

Зина подошла к двери, открыла её и, убедившись, что их никто не слушает, сказала:

– Давай мы сохраним наши отношения? Я тебе буду писать, как растёт наша девочка, и ты будешь инкогнито приезжать сюда и смотреть на неё. Не беспокойся за неё, я её буду любить, как и тебя!

Внезапно перед молодой мамой сверкнул лучик надежды. Хотя она никому уже не верила в этой стране. Но то, что Зина откровенно рассказала ей о своих родителях, и за эту нить в России можно было раскрутить преступную чету.

Аня понимала, что эти, как казалось ей близкие люди, тщательно продумали преступление в отношении её ребёнка. Это заставило поверить ей и согласиться на все условия.

«Надо только вырваться отсюда, – думала она, – а дома я подыму СМИ на уши. Они вернут мне девочку».

На пятый день после рождения она глазам своим не поверила, Зина принесла ей девочку, чтобы она простилась с ней.

– Должна тебя огорчить подруга, – сказала Зина, – наша девочка родилась больной у неё врождённый порог сердца. Пускай она побудет до твоего отъезда с тобой.

Аня не могла нарадоваться крохотному тельцу своей дочки и пропустила мимо ушей слова Зинаиды. Она не отпускала весь день дочку с рук, хотя малышка и вела себя, спокойно иногда открывая свои глаза пуговицы.

А поздним вечером малютка неожиданно всхрапнула и перестала дышать. На следующий день дочку тихо похоронили.

Где – то через день после похорон, Аня зашла на борт комфортабельного пассажирского лайнера.

Ивана рядом с ней не будет.

– Прости? – произнесёт Зина и обнимет её на прощание.

Вскоре Аня будет дома. С почерневшим лицом от горя она подаст заявление новому директору техникума на увольнение по собственному желанию, и уедет к своей студенческой подруге в Канск.

В Канске ей придётся немного проработать в магазине хозяйственных товаров. Потом по воле случая за прилавком, она познакомится с капризным покупателем по фамилии Вербицкий, который к великому счастью окажется начальником геологической разведывательной партии.

...Год она проработает у него в партии, а затем переведётся самостоятельно на Крайний Север. Ей хотелось взглянуть на места где, раньше вели разведку недр супруги Полати.

За время, проведённое на Крайнем Севере, она станет не только опытным, но и уважаемым геологом. Купит себе легко квартиру в Красноярске, будет иметь большие деньги, но самого важного для полнокровной жизни у неё не было, – это семьи и любимого человека – понимая, что за деньги такие блага не купишь.

Она ни от кого не скрывала, что мытарства по Крайнему Северу ей изрядно надоели. И если ей подвернётся мужчина соответствующий её скромным запросам. То она без разговора пойдёт за ним на поводке, куда бы он её не повёл. Она давно мечтала о своей счастливой гавани.

Зек он профессиональный

Она очнулась от воспоминаний на плече у нового знакомого, когда он вдруг захотел курить. И видимо, боясь потревожить Анюту, осторожно потянулся за сигареткой, затем щёлкнул зажигалкой.

Она оторвала голову от его плеча. Её лицо и глаза были в норме.

– Проклятый аккордеон, порвал все мои нервные струны, – сказала она и, обведя стол глазами, вынула из пачки сигарету. – Удивительный инструмент аккордеон, в золотых руках он может быть нежным и героическим, – выпустила она дым изо рта.

– Да конечно, это не скрипка, – согласился он с Анютой. – На ней не сыграешь «Штрафные батальоны» Высоцкого.

– Скрипка тоже может плакать, но так, как аккордеон она меня не впечатляет, – вдавила она пальцами в пепельницу почти целую сигарету.

– Не ошибусь, если скажу, что у тебя с этой песней связаны какие-то жизненные моменты, – сказал Виктор.

– Угадал, но любви тогда возможно и не было, были жизненные ошибки и жестокая подлость со стороны близких мне людей. А от воспоминаний я не могу избавиться, потому что фамилию одного из тех подлецов, я ношу уже много лет.

– Хочешь я тебя в два счёта избавлю от не приятной фамилии? – предложил Виктор.

– Не получится, – пригладила она рукой свои волосы, – он покинул Грецию, в неизвестном направлении.

– Развести тебя могут сейчас и без него, – ухватился он за верную мысль, – а вот зарегистрировать, тут уж изволь моё присутствие необходимо.

Такого быстрого признания она от него не ожидала. Не рассмеялась от его скорости, а только погладила ему руку и нежно произнесла:

– Извини? Мне надо отлучиться на минуту. Посмотреть на Ирину, – может она кушать хочет?

Она отлучилась, а в это время к нему подошли три геолога из партии Анюты. Двое из них, были хорошо подогреты спиртными. Но они из-за этого не казались агрессивными и придиричливыми, напротив были весьма доброжелательны.

– Алексей Маркин, – протянул ему широкую ладонь мужчина, с ясными глазами, который в отношении своих коллег был трезв, как показалось Виктору.

– А вы кто? – спросил у него пьяненький молодой парень, которого звали Германом.

– А я пассажир, как и вы. Зовут Виктор, – ответил он.

– Вот видишь, пассажир Витя он, – потряс за плечо третьего друга Герман, – а ты говорил наглый мадьяр. Понял не мадьяр он, а пассажир Витя, – доказывал Герман.

– Идите куда шли, – сказал им Алексей Маркин.

– Мы – то пойдём, – сказал Герман, – но ты ему скажи, чтобы Витя нашу Пушицу не крал? Возьмёт, положит её в мильницу или табакерку и дуду Анюта. Она ведь такая маленькая, но всеми нами любимая! И мы её в обиду никому не дадим.

– Я кому сказал марш отсюда в свой туалет, – повысил на них голос Алексей, после чего они пожали руку Виктору и быстро отошли.

– Не обращайтесь внимания на них? – извинился он за своих коллег, – мы Анюту все опекаем. Любим мы её и бережём от дурного глаза. Она и так много испытаний прошла за свою жизнь и надо заметить, что иной мужчина сломался бы от тех невзгод, которые наваливались на неё.

– Да я слышан о её неприятностях, – сказал Виктор, – но она вскормлена суровыми условиями тундры. Стойко переносит жестокие подносы судьбы. Крайний Север характер отжигает до микрометров, в особенности людям вашей мужественной профессии!

– Спасибо Виктор, – поблагодарил его геолог и протянул ему ещё раз руку, – красиво сказали, но Анята женщина чувствительная, а еще у неё есть божественное дарование – впечатлительность. Нос по ветру держит, того и гляди переметнётся в один прекрасный день от нас к случайному пассажиру. А нам без неё плохо будет. Я обратил внимание, как она продолжительное время держала голову на вашем плече. Вот и забеспокоился.

– Простите Алексей? – обратился Виктор к геологу, – у вас семья есть?

– А как же, – у меня жена и два взрослых сына в Красноярске. Там квартира у меня большая. В общем, я человек по жизни обеспеченный.

– А вы думаете, Аняте не хочется создать семью?

– Да мы не против семьи, – главное чтобы хлюстом не оказался, как её первый муж. Умный был, но вероломный, как граф Калиостро. Я его сам лично не знал, но наше высокое начальство его помнит. Он поганец хотел показать ей седьмое небо, но вместо него показал свою ничтожную душонку. Вот так Виктор.

– Теперь я понял возникновение слёз на её глазах, – сказал Виктор, – у неё название песни ассоциируется с неудачным замужеством.

– Ерунда, – перебил его геолог. – Она о нём давно забыла, я же говорю, что она чувствительная и впечатлительная! А игра Боба с любого слушателя может слезу дав-нуть.

– Думаю ваш виртуоз наверняка в прошлом занимался музыкой профессионально, – выдвинул свою версию Виктор и разлил по фужерам вино.

Они выпили, и геолог толстыми пальцами извлёк с тарелки небольшой кусок рыбы, положил её на вилку и ударил по ней. Рыба без помех залетела к нему в рот. Он проглотил её и, посмотрев на соседние столики, шёпотом промолвил:

– Зек он профессиональный – это точно. А аккордеонист – от бога. Музыкальной грамоты не знает, но обладает абсолютным слухом. Мальчишкой говорит ещё научился, когда услышал песню Владимира Трошина «По ночной Москве». С тех пор и заболел этим аккордеоном.

Он встал и, пожав руку Виктору, сказал:

– Если желание есть подтягивайтесь с Анятой к нашему столику. Ночь ещё придётся нам здесь сидеть. Диспетчера сводку дают неутешительную для стальных птиц. Прояснения никакого нет.

– Позже видно будет, – неопределенно ответил Виктор и задумался.

«Эту ночную Москву он уже слышал от кого – то. Его сердце ёкнуло, и он с мыслями ушёл в далёкое прошлое».

Злой

Это были удивительные времена. Народ до невероятности был миролюбивый и сплочённый. Попавшего в беду человека никогда не оставляли в одиночестве. Руки помощи тянулись со всех сторон. Это было и честное время. Взяв в руку местную газету, в колонке «Потеря», можно прочитать объявления, что, кто – то нашёл кошелёк с большой суммой денег или документами и потерявшего просят обратиться, к нашедшему заявителю. И никаких малейших намёков о вознаграждении нет. Существовали столы находок, для рассеянных людей. Туда доставляли утерянные шапки, перчатки, авоськи с продуктами, оставленные в общественном транспорте и другое. В те года не было бронированных дверей в жилых домах, сигнализаций и камер слежения. Обычно ключи от квартир клали под коврик для ног, брошенный у входной двери или вовсе не запирались. Магазины охраняли бабушки или дедушки с милицейским свистком и берданкой заряженной холостым патроном. И надо сказать, что квартирных краж практически не было. Бомбили в основном те слои населения, кто был связан с торговлей. В эту категорию людей входили завмаги, завскладами и им подобные граждане. Доставалось и ювелирам, несмотря на то что эти мастера скромно вели себя в своих городах, ни чем не выделялись. Свой достаток искусно маскировали от людей. По ресторанам старались не ходить, обедали в общественных столовых или перекусывали в буфетах. Но как только они выезжали на курорт, то отрывались на полную катушку. Это было удивительное и веселое время, когда проводы в армию не обходились без обязательных музыкальных атрибутов, гармошки баяна или аккордеона. Зачастую на вечерних улицах городов можно было встретить поющую весёлую компанию, в середине которой шествовала главная фигура весёлого запева, – баянист или аккордеонист. На гармошках, – их ещё называли тальянками, в основном играло старшее поколение.

Хоть гармошку и изобрёл немецкий мастер Бушман, но большинство советских людей её, как и балалайку, ошибочно считали чисто русским инструментом. Она была фольклорным символом советских деревень. Почти в каждой избе была гармонь, и на престольных праздниках в каждом дворе раздавались звукоряды этого инструмента. На концертах часто можно было увидеть народный ансамбль, составленный из гармонистов, ложкарей и балалаечников. Балалайка тоже была признана деревнями, но гармонь имела с одной стороны двадцать пять кнопочек для произведения звука и с другой двадцать пять. Это не три струны натянутые по деке балалайки. Освоить гармонь было престижным делом. Гармонь отодвинула балалайку на задний план и стала лидирующим музыкальным инструментом на селе. А молодёжь городов отвергала кантри – музыку, её больше прельщала западная эстрада. И естественно гармошка незаконно стал забываться в городах. Гармонисты попадались всё реже и реже. Встретить их можно было только в Первомайские или Октябрьские праздники, и обязательно под хмельком. Тогда шло повальное увлечение именно баянами и аккордеонами. Они пользовались бешеной популярностью. Это были золотые времена, так – как не существовало голодных пенсионеров и по помойкам не шныряли нищие, а бомжи не жили на свалках. Точнее сказать бомжей просто не было в те года. А свалки и мусорные ящики были облюбованы бездомными животными и стаями ворон.

Однажды подростки пошли в поле за кукурузой. Дорога туда пролегла мимо городской свалки. Этот отрезок пути они не проходили, а пробегали, зажимая пальцами носы. У одного Витьки Яшина, которого в округе все называли Злой, был настоящий противогаз и он всегда натягивал его, когда они приближались к смердящей зловонным запахом свалке. Он не спеша, шёл по дороге выложенной бутом, и смело смотрел на горы мусора, которые разгребал бульдозер. Бульдозериста ребята хорошо знали, его звали Иван Большаков. За медные волосы и конопатое лицо его называли Ванька Рыжий. Ему было около сорока лет и жил он в небольшом

частном доме. Все его считали прохиндеем и жуликом, так – как он дважды был под судом, но несмотря на это пацаны с ним дружили. В его доме можно было установить душевное равновесие и спрятаться от наказания родителей. Рыжий считал себя последователем Александра Попова, изобретателя радио. Он скупал у мальчишек за копейки радиодетали и собирал из них детекторные приёмники, которые им же втридорога продавал. Более, старшим ребятам, как Витька Яшин он мог предложить выпить. Витька был самый шустрый из пацанов, и Рыжий уважал его всех больше. Дважды он Витька брал на серьёзное дело. Один раз во дворец культуры, где проходил областной партийный пленум. А другой раз в раздевалку стадиона, когда команды хоккеистов выходили на лёд. Задача Витька была одна, – проявить юркость, забраться незаметно в раздевалку, которая никогда не запиралась и очистить карманы верхней одежды. А сам Рыжий стоял на стрёме, наблюдая, как Витёк без всяких помех потрошил дармовые карманы.

Во дворце культуры урожай был неплохой, двое карманных часов, маникюрный набор и сто сорок рублей деньгами. За эту работу он дал Витьку три рубля, вся остальная добыча осела временно у Ваньки. Витёк понял, что Рыжий его обманул и при несправедливом дележе сильно покусал тому палец. Рыжий, не ожидал, что мальчишка так сильно взбунтуется и, вылив на палец половину пузырька йода, добычу поделил пополам. Этот справедливый раздел примирил подростка и взрослого мужчину.

В этот день бульдозерист на боковой стороне одного из пальцев руки, нанёс Витьку татуировку «Злой». Такая же скрытая наколка была и у Ваньки, только слово у него было из трёх больших букв «ВОР». Витьку ужасно понравилась наколка и он в этот день, растопырив пальцы, любовался свежей татуировкой. Затем, отстегнув цепочку от карманных часов пальцем, где была набита татуировка, начал крутить её. Позабавившись цепочкой, он вновь её пристегнул к часам. А часы протёр сухой варежкой и опустил в карман. Часы в то время была роскошь, для всех слоёв населения, а карманные, да с цепочкой вообще предел мечтаний. Витёк до лучших времён, спрятал их в старый самовар, а на деньги купил себе модные туфли с трапециевидными носами.

Когда Витёк впервые пошёл с Рыжим на стадион, улов был тогда скудный. У хоккеистов он наскрёб мелочи около двух рублей, но приобрёл новую шайбу и бухту изоляционной ленты, для обмотки клюшки. Тогда Рыжий купил бутылку вина «Лидия» и они пошли в столовую, где он на закуску взял два винегрета по четыре копейки и два куса бесплатного хлеба. Хлеб тогда во всех общепитовских точках ничего не стоил.

Витьку неоперившемуся подростку, в этот день выпитый стакан вина был первым в жизни, после которого его сильно мутило. По этой причине он дома не появился. Его вечером искали на улице мать и старшая сестра, приехавшая в отпуск с Севера. Они целенаправленно ходили по всем местам, где собирались подростки, не догадываясь, что их Витька спит на русской печке в доме Большаковых.

Жена Рыжика Вера положила ему в этот день под голову думку и укутала домотканым одеялом. Вера нигде не работала, держала небольшое хозяйство. Она разводила гусей и держала кур. Корм для домашней птицы она отыскивала на свалке. Там стоял небольшой шалаш из прутьев и все найденные отходы, которые она не могла унести, оставляла про запас там. Рыжик, когда был трезвым, называла её Верона, и ей это нравилось, но когда напивался, для него она была уже Ворона. Но когда они были оба пьяные, то за Ворону, она могла своему мужу вырвать несколько клочков волос с головы. Верона Витька тоже уважала, за его самостоятельность и самостоятельность. Разговаривала с ним не как с подростком, а как с взрослым. Ей нравилось, когда он приносил ей бесплатно какую-нибудь вещь, за которую в другом месте нужно немалой денежкой расплачиваться. Витёк понимал, что доставляет ей радость, и ему спокойно было, что Верона, как мать с сестрой не задаёт въедливого вопроса, «где взял?»

Верона стояла на обочине дороги с двумя сумками отходов. Узнав Витьку в противогазе, она окликнула его:

– Злой ты, где скафандр такой достал, не продашь мне?

– Самому нужен, – прогудел он, через гофрированный шланг противогаза, и бросился догонять своих товарищей.

Вечером в этот день на улице Степана Разина, где собирались картёжники, а так – же пенсионеры, чтобы поиграть в лото неожиданно появилась Верона и, подзвав, к себе Витька, предложила:

– Давай ты мне противогаз, а я тебе воздушную винтовку. Почти новая, приклад только немного починишь и будешь по воробьям стрелять.

Предложение было заманчивое, и Виктор сразу согласился. Этот противогаз он выменял год назад у сантехника ЖКО Ляна, за настоящий финский нож, думая, что с этим противогазом можно под водой лазить, но когда понял, что Лян его обманул, ценным предметом противогаз уже не считал. И пользовался им только тогда, когда с мальчишками ходили за кукурузой или морковью на колхозные поля. А Ляна за дешёвый обман, он проучил, так, что тот мальчишку обходил за версту стороной. В открытое окно мастерской Злой бросил бутылку с карбидом, от чего произошёл громкий взрыв. Лян тогда выбежал из мастерской на улицу в мокрых штанах. Увидав, хохотавшего Витька на велосипеде, высыпал на него весь запас своего отборного мата.

Витёк с Вероной подошли к её дому. На крыльце сидел Ванька Рыжик, и покуривал сигарету, которая была вставлена в янтарный мундштук.

Витёк поздоровался с ним за руку и, показав пальцем на мундштук, спросил:

– На свалке приобрёл?

– Это для тебя свалка, а для нас с Вероной клад, золотые горы! Винца фруктового выпьешь? – предложил он подростку. – Не хочу, – отказался Витёк, – ты мне духовку лучше покажи, может она у вас древняя, ровесница трактору Прасковьи Ангелиной. Отдам хорошую вещь за сломанный винт, а потом от досады губы кусай.

– Злой, винтовка стреляет, я сам пробовал. Пулек нет, так я кусачками алюминиевой проволоки нарезал и ничего, метко бьёт. А противогаз тебе ни к чему, нам с Вероной он нужнее.

Рыжик сбил пальцем из мундштука недокуренную сигарету на куст георгинов и, прочистив его шпилькой для заколки волос, положил в портсигар. Затем он полез под крыльцо дома и откуда достал винтовку с разбитым прикладом.

Тут – же в саду они пулями из проволоки постреляли по яблокам. Винтовка Витьку пришлась по душе, и он пошёл домой за противогазом.

А на следующий день обмотав изоляционной лентой приклад, они с другом Юркой Пыжом во дворе начали стрелять по птицам и по своим ягодицам, чередуя алюминиевые пульки с пластилином. Пластилин оставлял на ягодицах огромные кровоподтёки. Выстрелы были весьма ощутимые и это занятие их забавляло. Забыл Злой тогда, что было заложено в дуло пластилин или проволока, но увидав проходившую мимо них молодую парикмахершу Катю, они всё внимание переключили на неё. Она, цокая каблучками, и крутя соблазнительно перед знакомыми мальчишками выдающимся задом, услышала сухой шелчок. На платье тут – же проявилось с пятикопеечную монету кровавое пятно. Она прикрыв ладонью поражённое место, повернулась к мальчишкам. Увидав в руках, Витька винтовку, она, побледнев, произнесла:

– Дурак ты Яшка.

Выстрел оказался не смертельным, но травма однако была нанесена.

Витёк стрелял в упор, и хирург извлёк у неё из ягодицы не пластилин, как он думал, а кусок проволоки. Его искала милиция, но он, спрятав оружие преступления на чердаке, залёг у Рыжика в сарае, где просидел до первого сентября. Школа его уже не беспокоила.

Всех больше Витёк боялся в это время комиссии по делам несовершеннолетних, которая могла его легко отправить в бессрочную колонию для подростков. Поняв, что долго не продержится на нелегальном положении, он заложил у Вероны, за десять рублей свой зелёный новый свитер, который ему сестра привезла в подарок с севера. Взамен свитера Верона дала ему коричневую поношенную ковбойку, от которой исходил могильный запах. В зелёных брюках и старой коричневой ковбойке он бросился в бега. Перекладными электричками он добрался до Москвы. Денег в кармане не было. Ужасно хотелось есть. Он неприкаянно бродил по незнакомым улицам Москвы в надежде на дороге найти оброненную прохожими мелочь. Но как назло никто денег не терял. Или он не там искал.

Чтобы не заплутать, Витёк старался далеко от вокзала не отходить. Он решил курс держать на юг к морю, которое ни разу не видал. Ощувив, что его ноги устали от бесцельной ходьбы, он зашёл в приглянувшееся ему здание. На лифте поднялся на последний этаж дома. Устроился около дверей машинного отделения лифта, где его никто не видал и сразу уснул. Проснулся, когда на улице уже смеркалось. Стряхнув ладонями с брюк пыль, он направился на Курский вокзал. В переходе он нашёл старые десять копеек, которые ходили до тысячи девятьсот шестьдесят первого года и тут – же в затемнённом месте купил на эту монету пирожок с мясом. Съев, его он ощутил, что есть, хочет ещё больше. Осмотревшись по сторонам и убедившись, что поблизости нет милиции, он зашёл в здание Курского вокзала. (Тогда это здание было старое и реставрацией там не пахло). Народу на вокзале было много, некоторые пассажиры расположились на бетонном полу. Он прошёл все залы, но свободного места, не нашёл. Около большого окна, Витёк увидел обувной киоск, стоявший рядом с чугунным отопительным радиатором, на котором можно было приземлиться.

Присев около будки черноволосой обувщицы, – ассирийки по национальности он увидел у неё на полке стопку бутербродов с варёной колбасой. От одного только вида колбасы у него ужасно закружилась голова. Проглотив слюну, он отвернулся и направился в туалет. Стрельнув там папироску у солдата, Витёк покурил и этим чуть забил голод. Затем вернулся на старое место, к будке обувщицы. Она обратила внимание на одинокого парня и подозвала его к себе:

– Кушать хочешь? – спросила она с акцентом.

– Так хочу, что всю кожаную обувь бы вашу съел, – без застенчивости ответил он.

Она налила ему из термоса горячего чаю с лимоном и накормила бутербродами.

– Ты не единственный слоняешься такой по вокзалу. Я из будки хорошо вижу перемещение вокзальной толпы. Поверь мне, отличить пассажира от беспризорника могу без ошибки. Из дома, наверное, сбежал? – спросила она.

– Нет, в детском доме живу, – соврал он неожиданно, – приезжал на похороны бабушки из Сухуми.

– Вон видишь мальчишек, – показала она, на группу ребят сидящих на сиденье около буфета. – Они не просто сидят, а прячутся. Я вижу, как они трепещут при виде милиции. А спроси у них, зачем они отираются на вокзале, тоже скажут с похорон едут, но денег на билет нет. Беспризорников сейчас нет, а вот странствующие курортники, навряд ли тебя иногда попадают. Но до первой встречи с милицией, а там кутузка. Поезжай ты парень лучше домой, пока тебя не забрали, – посоветовала она, – не расстраивай мать с отцом?

– У меня нет отца, – сказал Витёк правду, считая, что врать бессмысленно женщине, которая разом просчитала его с ног до головы. – У меня только мать и сестра, – а отец в Ташкенте недавно погиб, когда там землетрясение было. – Военный он у меня был, – уточнил Витёк и, поблагодарив сердобольную женщину, направился к четверым ребятам сидевших около буфета.

– Привет пацаны! – смело сказал он им, – куда едем?

Мальчишки вначале ступшевались, но увидав у него промеж пальцев наколку «Злой», успокоились.

– Мы с солдатами едем на юг, – сказал парень, одетый в старый зелёный костюм. Воротник пиджака у него был поднят вверх. По возрасту, он был старше всех.

Рядом с ним сидел парень с широким лбом и тонким носом. Одет он был всех лучше из этой компании. На нём была лёгкая клетчатая курточка, лавсановые серые брюки и модные сандалеты. Два других мальчишки походили на маленьких бродяжек, они были чумазые, и одежда у них была латанная.

– А чего вы с ними на юг едете? – спросил Витёк.

– Хотим устроиться в музыкальную школу – интернат при гарнизоне, – ответил старший парень, – мы все играем на музыкальных инструментах. А ты, куда лыжи направил? – спросил он Витька.

– К морю, но точно, куда не знаю, но знаю, что долго находиться на вокзале опасно, тем боле вам. На вас уже обратили внимание некоторые работники вокзала. У легашей глаз острее, чем у них. Попадётесь, сразу заберут в опорный пункт.

Услышав это, пацаны встревожились. Витёк понял по их поведению, что никакие они не музыканты, а такие же, как и он беглецы.

– Курить есть у вас? – спросил Витёк.

– Есть, – ответил парень в клетчатой куртке и достал пачку сигарет Пёр.

Они вышли на улицу, и повели Витьку за вокзал в укромное место, где стояли пустые ящики. Спрятавшись за ними, они закурили.

– Вас как хоть зовут? – поинтересовался Витёк.

– Меня Ромб, – представился старший парень в зелёном костюме. – Этот широколобый белорус, – показал он парня в клетчатой куртке, – Ластик, – он мой друг. Может играть на рояле и ларьки, взламывать, в которых шоколад и сигареты продают. А так-же он хорошо помогает мне карманы у ротозеев потрошить.

Затем Ромб обнял двух малышей за плечи. – А эти клопы из Серпухова, им по двенадцать лет. Они прилипли к нашему дуэту здесь на вокзале. Мы их накормили, но брать с собой не собираемся. Они не музыканты и даже не воры. Просто двоечники, убежали из дома, в школу говорят ни за какие калачи не пойдут. А зовут их обоих Сашками.

– Ну а у меня кличка Злой, – представился Витёк и для убедительности показал палец с наколкой. – А вы, как я понял из Белоруссии?

– Нет, мы с Ластиком из Горького, – ответил Ромб, – хотели в городе Дзержинске пристроиться. Там есть детский оркестр, при гарнизоне, но он духовой. Но дело не в этом. Проблема в том, что у нас родители есть, а туда берут только сирот или безотцовщину. Вот мы и решили махнуть в Краснодар, там говорят, принимают не только сирот.

– Так мы земляки, – обрадовался Витёк, – а я с Моховых гор в четырнадцати километрах от вас.

– Знаем мы, где ты живёшь, – сказал молчавший до этого Ластик, – приходилось там бывать и не раз.

Они пожали руки и обнялись.

– Есть хочешь, – спросил Ромб.

– Как удав, – оживился Витёк.

– Держи земляк, – вытащил Ромб из грудного кармана большой кусок копчёной колбасы и будь – то несколько часов лежавшую под прессом примятую булку.

– Ешь, мы наелись уже и в запасе у нас припрятано немало продуктов, прямо здесь в ящиках. Дорога длинная, пригодится. Да и деньги у нас имеются, – похлопал он рукой по карману.

Витёк, не разжёвывая, проглотил этот сухой паёк и, поблагодарив ребят, сказал:

– Я бы поехал с вами, но я не музыкант, я от милиции скрываюсь. Бабе одной в жопу засадил из ружья. Теперь мне срок накрутят, если поймают.

Ластик с Ромбом переглянулись и поняли, что в их компании объявился лидер. Совершить такое преступление им было не под силу. Для такой крутизны они считали, нужно обладать отчаянным характером и большой силой духа. Эти черты характера у них отсутствовали.

– По правде сказать, мы тоже больше взломщики ларьков и карманники, а не музыканты, – вывалилось у Ромба.

– Шесть ларьков и палаток взломали только за лето – гордо выпалил Ластик. – И ни разу не попались, а карманы у Ромба сродни развлечению. Мы счёт потеряли, сколько их почистили.

Витёк не верил Ластик, понимая, что эта мальчишеская бравада вызвана, тем, что Злого он видит в последний раз, вот и потянуло того на криминальное бахвальство. И он решил тоже немного возвыситься над новыми знакомыми.

– Если из дома убежали, значит, вы у легашей на крючке, а вот я по этой части ни разу не попался. Такие дела стряпал, нечета вашим ларькам, – раздувал себе авторитет Витёк, – я работал на пару с опытным рецидивистом. Он мне науку правильную преподавал. А сейчас мне срочно до моря нужно добраться. Я думаю в Грузию махнуть. Персики, сочные груши и виноград там, на улицах растут. Ешь – не хочу. Устроюсь на сбор мандаринов, где деньги килограммами платят. Как сумму приличную сшибу, тогда вернусь домой. У меня мать дома и сестра в отпуск с Севера приехала. Ищут, наверное, повсюду? Жалко их, но я выхода другого не вижу. Из Грузии черкну им, чтобы не волновались.

– Может и нам с ним в Грузию махнуть? – посмотрел Ромб у Ластика, – Сулико им сыграем, они нас точно пристроят на плантацию. Я слышал, грузины уважают тех русских, которые ценят всё грузинское. А Сулико, я тебе скажу, это не наш чижик – пыжик. Это самая любимая песня у них.

– Да я что, – замялся Ластик, – Сулико я, конечно, сыграю, но ведь в Краснодар же хотели. Там то же тепло.

– Подработаем в Грузии грошей и тогда уже махнём в Краснодар, – уговаривал Ромб Ластика.

– Ну, если так, то я не против мандаринов, – с неохотой пробурчал Ластик.

– Тогда поехали со мной, – предложил им Злой, – в двадцать два часа поезд на Батуми идёт. Сядем на крышу вагона – ресторана и в путь.

Ластик достал из-за ящиков спрятанную сумку, набитую до отказа продуктами. В ней оказался весь товар из мясной лавки, копчёные кости и колбасы разных сортов. Они на месте немного перекусили и тронулись на вокзал. Там Злой подошёл к ассирийке – обувщице и поблагодарил её ещё раз за вкусный ужин.

(Впоследствии, когда Виктор бывал в Москве, он в обязательном порядке навещал эту женщину на Курском вокзале). Дарил ей шоколадку или коробку конфет. Она работала там до 2000 года. Только будка её переместилась из кассового зала в переход цокольного этажа.)

....За пять минут до отправления поезда Москва – Сухими мальчишки впятером уже сидели на крыше ресторана. Они в то время много смотрели фильмов, в которых демонстрировали как в гражданскую войну беспризорники и солдаты ездили на крышах разных поездов, поэтому с лёгкостью согласились на рискованную поездку.

Их сняли с крыши сразу, не останавливая поезда.

– Вы, что погибнуть хотите? – кричал им усатый грузин, не залезая на крышу вагона.

Он держался за вертикальную лестницу одной рукой, а другой махал ребятам:

– Вас сейчас током убьёт, быстро спускайтесь? Не видите, здесь троллеи проходят? Через минуту черней меня будете. В уголь превратитесь. Быстро подходите ко мне?

Ребята догадались, что романтическая поездка с ветерком отменяется. Они с каждым прибавлением скорости поезда, начали осознавать, что находятся в одном шаге от смерти. Ветер начал трепать их волосы и одежду. В любую минуту их могло скинуть вниз и потоком ветра затащить под состав поезда.

Виктор понял, что совершил непростительную ошибку, заманив ребят на крышу. Эта поездка могла им всем стоить жизни, а ей они дорожили. Он сразу подтолкнул двух Сашек вперёд, крикнув им громко:

– Пошли на погружение в вагон, не – то вас сдует здесь. Мы следом за вами спустимся. Они, согнувшись на коленях, поползли к лестнице, на которой стоял грузин.

Ластик в этот миг был так сильно перепуган, что увидав выглядывающую голову грузина, с испугу выронил сумку из рук. Колбасу и мясо моментально сдуло ветром с покато́й крыши на землю. Первыми грузин принял двух Сашек, передав их в тамбур на руки одной из проводниц, – тоже грузинке, а старшие спустились сами, отказавшись от помощи грузина. Грузин оказался директором вагон – ресторана.

– Куда едете мальчишки? – спросил он.

– В Батуми, – опередил всех с ответом Злой, – мы там, в детском доме живём. Наш детский дом привозили на экскурсию в Москву, а мы отстали от них.

Все взрослые посочувствовали ребятам, но не поверили. Так – как одна из проводниц сказала, что у них детских садов в городе много, а про детские дома не слышала.

И проводница отвела их в свободное купе мягкого вагона. В купе Ромб начал ругать Ластика, за утерянную сумку.

– Из-за тебя растяпа нам придётся голодать, – ворчал он на друга, – или ты на деньги надеешься, – похлопал он себя по карману. Фига тебе, – карбованцы не на провиант, – они целевые у нас.

– Приедем на место, очистим любой ларёк, и запасы сделаем, на непортящиеся продукты, – успокаивал Ромба Ластик.

– Я слышал, что грузины не поощряют воровство, – заметил Злой. – Для них вор это последний человек и большой позор Грузии. Лучше будем у них питаться фруктами. Их воровать не надо. И рыбу будем на Чёрном море ловить. С голоду не помрём.

Не успел он это сказать, как открылись двери купе, и к ним вошёл грузин и проводница. Они принесли чай и бутерброды с маслом и сыром.

Ребята, перекусив немного, разомлели и под стук колёс безмятежно уснули. Разбудила их проводница, когда они проехали Тулу:

– Ребята по поезду идут ревизоры, вас они без билетов ссадят с вагона, а меня накажут, – сказала она. – Сейчас будет остановка в Скуратове, вы там сойдёте и перейдёте в общий вагон. Вас там посадят, я проводников предупредила. Ревизоры в том вагоне проверку уже сделали. Доедете до Батуми хоть и зайцами, но без тревоги.

В Скуратове они прибыли в два часа ночи. Идя кучей по перрону, мальчишки нарвались на наряд милиции. Их всех отвели в дежурный опорный пункт при вокзале, а под утро в сопровождении милиционера поездом доставили в Тульский приёмник – распределитель, куда помещали только несовершеннолетних бродяжек. В приёмнике их всех провели на второй этаж в большую комнату, где шёл ремонт. Оттуда поочерёдно заводили в кабинет директора. Это был здоровый, одноглазый мужчина, похожий на циклопа. Он выспрашивал у каждого, какая у того фамилия и откуда родом.

Естественно правды никто не сказал. Кое – кто называл из них вымышленные фамилии, а у которых врать не хватило смелости называли свою настоящую фамилию. Они боялись единственного глаза директора.

Злой назвал имя и адрес своего одноклассника и друга Краева Сергея по прозвищу Пыж. Он не знал, что Ромб выдал о своих метрических данных всю правдивую информацию с фамилией Виктор Яшин.

Они не догадывались всё это время, находясь рядом, что были однофамильцами. А Ластик по метрике Арсений Ласт, сказал, что он Леонид Арсеньевич Утёсов.

– Что же ты не Осипович? – спросил у него с недоверием директор, – глядишь, я бы сейчас про Мишку песню услышал, а не эту чепуху которую ты мне на уши вешаешь.

– А я могу, – заикаясь, произнёс Ластик.

– Что ты можешь? – зыркнул на него единственным глазом директор, – врать и бродяжничать?

– Нет, песню о Мишке могу спеть, – выпалил Ластик.

Он заметил, что глаз директора в это время приобрёл добрый оттенок и продолжил:

– Слышали, может – Мишка, Мишка, где твоя улыбка? – а ещё твисты могу бацать и кантату Александр Невский. С ней я на городском смотре выступал.

– Позже я познакомлюсь с твоим богатым творчеством, – и директор, поднявшись из-за стола взяв за плечо Ластика, выпроводил его из кабинета.

Их каждого поверхностно обыскали, но ничего не нашли, кроме сигарет, которые они ребятам сразу же вернули. Это радовало, – «значит, в этом заведении разрешалось курить» – думали они.

– А куда – же ты деньги спрятал Ромб? – вдруг вспомнил Злой.

– А я их директору в карман засунул на время, когда он меня обыскивал

– Ну и дурак, – прошипел Злой, – надо было их замыкать хорошо, ещё в поезде.

Ромб улыбнулся и показал квадратик размером с галету, перетянутую изоляционной лентой.

– Уважаю! – восхищённо произнёс Злой.

Затем их отвели в душевую и переодели в красные с белыми ромашками костюмы из фланели, а на ноги дали больничные тапочки огромного размера.

– Это, наверное, чтобы бы мы не убежали? Вот так нас, и одели, – догадавшись, сказал Виктор своим попутчикам, – и, похоже, кроме нас никого здесь нет. Тишина, как в читальном зале или заброшенном кладбище.

– Таких, как вы, здесь немного, а вот маленьких карапузов брошенных мамами – кукушками, человек десять наберётся, – сказала доброжелательная кастелянша с огромной родинкой над бровью. – Костюмы такие вам первым выдали. Они совершенно новые. Завтра остальных облачим. И запомните, ребятки отсюда никто не убегает. Здесь кормят хорошо, игр полно разных и учиться не надо. А сейчас пошли за мной в столовую.

Она закрыла склад и повела за собой ребят.

Столовая находилась в этом – же здании на первом этаже. В небольшом помещении, где стояли в два ряда длинные столы, очень сильно пахло щами и котлетами. Их обслуживал невысокий суетливый мальчишка с остриженной под ноль головой. Накрыв обеденный стол горячими блюдами, он принёс каждому по куску арбуза.

– Здесь все такие маленькие парни, как ты? – спросил у него Злой.

– Увидишь после обеда, – с ехидством оскалил тот два передних, как у кролика зуба.

Когда обед завершился, их повели на экскурсию, показав, спальные места, туалет, не забыв их предупредить, что туалет является единственным местом в помещении, где разрешается курить. Зайдя в туалет, Злой обратил внимание на наличие детских горшков. Они стояли в ряд напротив окна обнесённого снаружи деревянной решёткой. Злой не считал такую решётку преградой, и он бы мог легко, прямо сейчас ногой проломить все заслоны на свободу. Но знакомство с другими обитателями этого дома заставило его остановиться от необдуманного шага.

Не успели они прикурить сигареты, как дверь открылась, и в туалет вошли пятеро рослых парней, которые значительно были выше и возможно старше Витька. Все они были лысые. За ними с наглым лицом зашёл мальчишка, обслуживающий их в столовой. Он закрыл за собой дверь и задвинул шпингалет. Один из лысых с головой формы, похожей на лимон, очевидно,

был главным у них, перекошил своё и так отвратительное лицо, обошёл вокруг Витька и, сжав кулаки, спросил:

– Ты, почему фамилию свою наврал? – и, не дожидаясь ответа, ударил Витька в лицо.

Это был сигнал к избиению вновь прибывших беглецов, – по их диким порядкам, так называемая прописка. Команда лысых навалилась на новичков.

Злой, удар сдержал, но кулаками своими не стал пока размахивать. Он схватил два горшка в руки и первым ударом разбил обидчику голову, – уложив того на пол. Затем он бросился на помощь Ромбу, у которого из носу уже текла кровь. Его трамбовали сразу двое, прижав к кафельной стене, и он не мог дать им отмашки, только закрывал лицо руками. Виктор, этих драчунов тоже тесно познакомил с горшками, раскроив им до крови черепа.

Лёне Ластик и двум Сашкам повезло, с ними разобраться не успели. Молниеносная прыть Витька драку повернула в другое русло. Остальные двое, увидав, что новички дают сильный отпор, сорвав с дверей шпингалет, с криком выбежали из туалета. Вместо них тут – же появился директор и два дядьки. Увидав в крови троих старожил, и Витька с горшками в руках, они взбесились. Один дядька вырвал из рук Витька эмалированную ночную посуду и, дав ему, увесистый подзатыльник потащил за собой. Его закрыли в кладовку, где лежали метла пилы и лопаты. Там он просидел около часа. Затем дядька, который посадил Витька в кладовку вывел его на балкон. Оттуда хорошо просматривался двор приёмника. Была видна баскетбольной площадкой и яма для прыжков в длину. Все содержатели приёмника до одного, находились во дворе на прогулке. В основном там были малыши. Того, кого он первым угостил горшком, во дворе не было. Ему уже сказали, что его увезли в поликлинику накладывать швы, а двое других сидели с перевязанными головами на бревне и не смотрели ни на кого. Ромб с Ластиком курили с взрослыми девчонками и о чём – то оживлённо говорили.

Когда прогулка закончилась, Витька привели в большой зал. В нём было множество настольных игр и музыкальных инструментов. У стены на стеллаже пылились баян, гармошка – двухрядка и струнные инструменты балалайки и мандолины. А главное там был настоящий бильярд. Витьку сразу вручил кий, один из парней с перевязанной головой, который сломя голову вылетел первым из туалета.

– Теперь ты распоряжаешься этим столом, – виновато произнёс он, – а Щеку, который нас позвал драться, завтра увезут в колонию. Он здесь самый старый жилец.

Злой играть на бильярде не мог, но кий в руки взял.

Ромб с Ластиком встретили его с большой радостью, будь – то не видели вечность, засыпав его новостями и рассказав о новых знакомых:

– Тут две наши землячки находятся, – сказал Ромб, – они сейчас полы в спальнях моют. Та, что длинноногая Альбина, а вторая поменьше Алтана, – она татарка. Ей уже семнадцать лет. Их тоже с поезда сняли. Они хотят в побег рвануть отсюда и нас с собой зовут.

– А у меня выход только один, – побег, – заключил Злой, – и я знаю, как его устроить. Сторожу ночью кляп в рот заткнём и свяжем. Ключи от всех дверей отберём, оденемся в свою одежду и вперёд.

Злой не знал, что помимо сторожа в приёмнике ночью дежурят охранники. Они же и экспедиторы, которые развозили беглецов по своим регионам. Он так – же не знал, что план его побега услышал мальчишка с зубами, как у кролика.

После ужина Виктор познакомится с девчонками. Альбина была его ровесницей, а Алтане шёл восемнадцатый год. Они уважительно смотрели в глаза Витьку, зная, как он лихо отбил от Щеки и его приближённых.

– Молодец, не посрамил Горький, – говорила Алтана, с тобой можно в побег идти. По секрету тебе скажу, у меня муж есть, он в Пицунде живёт. Мы с ним пока не расписаны, я к нему ехала, но не доехала. Я обязательно должна его увидеть. Мне в Пицунду край нужно попасть в ближайшее время.

– Попадёшь, – пообещал Виктор, – дай мне денёк осмотреться и рванём отсюда.

В этот день всех удивил Ромб. Оказалось, он хорошо играл на гармошке и баяне. Всем понравилось, как он исполнял Кукарачу, а воспитатель заставлял его несколько раз исполнить песню «По ночной Москве».

– Ты где так научился играть на гармошке, – спросил у Ромба Злой.

– В деревне, – ответил Ромб, – я в Киселях до четвёртого класса жил. Играть сейчас могу почти на всех клавишных инструментах, но больше всех люблю аккордеон. На нём Кукарача лучше звучит, чем на баяне. Отец если бы не пропивал получку, купил бы мне аккордеон.

– А ты бы в кружок, какой записался и играл бы там на их инструменте. Кружков полно сейчас и бесплатно всё везде, – посоветовал ему Виктор.

– Да ну их эти кружки, – там ноты учить заставляют, а я играю на слух без всяких нот. Я сходил один раз в дом пионеров, мне не понравилось. А Ластик долго туда ходил, но он на пианино играл, потом кларнет освоил. У них оркестр был хороший. Сейчас он на флейту перешёл.

– А мне кажется, на ларьки он перешёл, – ухмыльнулся Злой и попросил его исполнить ещё раз Кукарачу.

Тогда это была одна из популярных песен.

На следующий день Витька после завтрака директор отвёл в медицинский изолятор, там он неделю находился с пятилетним мальчиком по имени Миша. Этот Миша лежал с диагнозом, сучье вымя. У него под обеими мышками выросло семейство нарывов и Витьку приходилось ухаживать за ним и кормить с ложки, так, как сосед по палате руками не мог шевелить. Виктор был отрезан от своих друзей и почему он об этом хорошо знал. Директор рассказал ему, что про план побега, который он собирался осуществить со своими земляками, ему стал известен, поэтому он решил зачинщика этой нелепой затеи изолировать от общей массы подростков. Когда его вернули назад ко всем ребятам, то девчонок уже не было. Их увезли в Горький.

Перед обедом в приёмник зашёл почтальон и принёс несколько телеграмм.

Директор, держа в руке телеграммы, по росту построил всех ребят в игровом зале и, посмотрев в сторону Ромба, скомандовал:

– Яшин сделай шаг вперёд.

Из строя вышел Ромб и Злой, забыв, что он назвался в первый раз Краевым.

Ребята посмотрели друг на друга.

– Это же я Яшин, – сказал неуверенно Ромб Витьку и, разводя руками, смотрел то на своего однофамильца, то на директора.

– Ты чего Ромб мелишь, Яшин это я, – вспылил Злой.

– Мы сейчас разберёмся, кто из вас Яшин, – сказал директор и зачитал телеграмму:

«Пропал Яшин Виктор, возраст шестнадцать лет, паспорта не имеет, одет в свитер зелёного цвета, и зелёные брюки. Немедленно выезжаю».

Марина Яшина.

– Кем тебе приходится Марина Яшина? – спросил директор у Ромба.

– Не знаю я такой, – недоумённо пожал плечами Ромб.

– Это моя сестра, – произнёс Злой, – она мне, как мать.

– Вот это да, – произнёс Ромб, – может мы с тобой родственники?

– Все люди братья, – сказал директор и повёл обоих ребят смотреть их гардероб.

В мешке Ромба и Витька свитера зелёного не обнаружили. А зелёные брюки оказалось, опознавательным знаком не являлись. Почти каждый подросток носил брюки такого цвета, но директор склонен был больше верить Ромбу.

– Вы оба лгуны, – сделал заключение он, – заврались до чёртиков. Покрываете, друг друга, но меня не проведёшь, – погрозил он пальцем, – Мне хорошо знаком говор горьковчан, – музыканту эта телеграмма пришла. Вот сегодня его экспедитор и повезёт домой, а ты Краев

разговариваешь, как москвич. Но не надейся, что мы тебя повезём в столицу, чтобы ты пятки смазал от экспедитора. Сдаётся мне, что ты несовершеннолетний преступник, недаром тебя дружки Злым называют. Признавайся, что натворил и почему бегаешь от милиции?

– Окститесь уважаемый, – нарочито начал окать Виктор. – Я коренной волгарь, по соседству с дедом Кашириным проживал. Чай, пожалуй, известен вам этот злыдень? Любой ребёнок знает, как он Алёшку Пешкова жестоко порол. А ехал я в Грузию, чтобы мандаринов от души нажраться.

– Не ерничай Краев, – шлёпнул он Витька без всякого зла по затылку. – Жалко, что тебя так не пороли в детстве, как Максима Горького. Придётся сводку о тебе запросить и выслать твою фотографию в МУР.

– Хотя в «ИНТЕРПОЛ» отправляйте, – досадовал Злой. – Как хотите, поступайте, но я вам клянусь, что был на мне свитер зелёного цвета. Я его в одном доме оставил, когда ехал на юг. А Марина это моя старшая сестра. Она из Заполярья приехала. Так, что меня нужно везти домой, а не Ромба. Чего боитесь? Я никуда не сбегу. Вот вам крест, – и он для пущей верности неумело перекрестился.

– Ты и креститься не можешь, бродяга маленький, – подозрительно взглянул директор на руки подростка. – Пионером точно был, комсомольский билет со значком, наверное, где – то дома лежит? Не верю я тебе, так – как вашего брата я с войны знаю. Не таких клоунов на чистую воду выводил. Ты или с Красной Пресни или с Марьиной рощи? Только там живёт самая отъявленная шпана Москвы.

Злой поняв, что бессмысленно переубеждать одноглазого, больше доказывать ничего не стал, а молча отвернулся и пошёл к бильiardному столу.

В этот вечер Ромба вывезли из приёмника, но экспедитор возвратился назад через пятнадцать минут с бешеными глазами. Сообщив, что музыкант сбежал от него на улице Октябрьской, недалеко от приёмника.

А на следующий день за Виктором приехала сестра и забрала его домой.

Тут директор понял, что допустил большую ошибку, что не поверил доводам неукротимого мальчишки, по кличке Злой.

Мать с сестрой дома ни, словом не обмолвились за его побег. Они были рады, что он нашёлся живой.

В бригаде коммунистического труда

За выстрел Витька приговорили к одному году условно и выгнали из школы. Он устроился работать учеником токаря на завод. Прикрепили его к опытному наставнику Алексею Вьюгину, – это был токарь высшего разряда. Работу свою начинал он всегда со стакана дешёвого вина. Когда у него не было вина, он посылал в магазин Витька, но при этом никогда не спаивал подростка. Он всегда ему говорил:

– Ты Витька будешь хорошим токарем, у тебя хватка есть и башка шарит, но вот эту гадость никогда не пей, – показывал он на вино. – И на меня не смотри, у меня стаж по вину ещё довоенный.

Завод в принудительном порядке направил Витька учиться в вечернюю школу рабочей молодёжи, не забывая справляться о его успехах в школе. Бригада в красном уголке постоянно журила его за плохие отметки и прогулы в школе. Но ему было безразлично всё.

– Работаю я хорошо, – оправдывался он, – а школьные знания, какие мне нужны, я получил в полной мере, – вон дядя Лёша Вьюгин, пять классов имеет, а лучшим токарем считается на заводе. Разве плохо будет, если я буду таким – же токарем.

– А мы хотим, чтобы ты лучше был, – говорила ему бригадир Елена Князева, – она же и председатель цехового комитета. – Не забывай, что ты работаешь в передовой бригаде коммунистического труда.

– А вы сами-то все сидящие здесь лучше, чем он? – спросил он у опешившей от его вопроса, бригады.

– Каждый человек индивидуален, – объясняла ему всё та же Князева, – в чём – то, кто, – то лучше Вьюгина, а в чём – то хуже.

– Вот когда вы во всём будете, лучше дяди Лёши, тогда я разрешу вам до меня докапываться. А пока я вижу, вы постоянно бегаєте к Вьюгину за советами и за помощью, чтобы он брак вам исправил. Работайте вначале над собой, а потом за меня беритесь.

Бригада речь Виктора сочла за оскорбление и наказала его, лишив бесплатной поездки с цеховым коллективом, на хоккей Чемпионата СССР между командами Торпедо и Химиком.

Виктор наказание не огорчило, он мог самостоятельно доехать до дворца спорта и купить себе билет за полтора рубля, а то и за рубль на любой матч. Но Князеву он решил в этот день наказать. В конце рабочего дня он заметил, что она пошла в туалет, забыв закрыть ящик для инструментов. Убедившись, что все станочники заняты работой, он курс взял на её ящик для инструментов. Момент был идеальный, и грех было им не воспользоваться. Он незаметно вытащил у неё несколько измерительных приборов в пластмассовых коробках и вечером принёс их Рыжику.

– Купи за пятёрку, – предложил он Рыжику, – приборы высокой точности. Любой специалист, за них даже двадцатки не пожалеет, а я тебе, как своему почти даром отдаю.

– Где украл Злой? – спросил Рыжик.

– Тебе не всё равно, – ответил Злой, – бери или я отнесу их Малыге, он умелец знатный, ему всё сойдётся.

Рыжик дал ему пять рублей, а коробки с приборами спрятал под железную кровать.

– Ты Злой ерундой занимаешься, – сказал Рыжик, – хочешь пойти со мной на стоящее дело? – спросил он.

– А сколько стоит? – поинтересовался Злой.

– Жалеть не будешь, думаю там золота чемодан взять. Есть у меня один ювелир знакомый по фамилии Самосад, – скупердяй великий. Огребаёт большие бабки, а питается одним хлебом и луком. Иногда кефир покупает. На автобусе не ездит, денег на проезд жалеет и на рваные

штиблеты надевает калоши, чтобы новую обувь не покупать. Живёт один, как бирюк. Я ему несколько раз приносил, кой – какое золотишко и он охотно у меня скупал его.

– И что ты предлагаешь его ограбить? – спросил Виктор.

– Да, но мы должны к этому делу хорошо подготовиться, чтобы было всё без задоринки. Время у нас на подготовку есть, так – как Самосад работает сейчас, над какой – то замысловатой пряжкой для женского пояса. При мне её богатая бабенция ему заказывала. Он ей назначил время на ту пятницу в четырнадцать часов. У нас для осуществления плана есть целая неделя. Верона пойдёт с нами, но нам нужен будет ещё один верный человек. Поговори со своим другом Пыжом. Поциплем ювелира и пряжку у бабы заберём.

– Так это налёт будет, – определил план Рыжика Злой.

– Налёт, когда с оружием бомбят, а мы культурно всё возьмём. У нас даже ножей не будет.

– Тогда я готов на такой скак, – согласился Злой, – и Пыж добро даст. Он давно мечтает мотоцикл купить.

– Ну и ладненько, – сказал Рыжик, – будем считать, что костяк для дела у нас сбит. Собираемся в следующую пятницу у меня в двенадцать часов. Я скажу, кому что делать и пойдём на дело.

В ближайшую субботу на работе был короткий день. Князева свой станок в этот день не включала и в ящик для инструментов не открывала. Она, как общественница, была занята профсоюзными делами и пропажу не обнаружила.

За обедом в столовой дядя Лёша вытащил из потрепанной записной книжки свой билет на хоккейный матч и отдал его Витьку.

– Посмотри Витя хоккей, – сказал он, – а я лучше сегодня в русскую баньку схожу к сватям. Всё равно наши проиграют, чего я буду расстраиваться.

Злой поблагодарил его за билет, но на хоккей, поехал вечером один на электричке, а не в автобусе с цехом.

Во дворце спорта в перерыве его окликнули сзади. Он обернулся. Перед ним стоял Ромб. В руках он держал бутылку лимонада и печёные пироги.

– Вот так встреча! – обрадовано выкрикнул Виктор. – Не думал, что мы с тобой свидимся ещё когда? Разлучили нас внезапно, что мы и адресами не успели обменяться.

...Ромб протянул Витьку пирожок с капустой и, открыв бутылку лимонада перочинным ножом, протянул её Витьку. Они выпили ударивший им в нос газом напиток, а пустую бутылку Ромб спрятал за пазуху:

– Как-никак, а это пачка Памира, зачем такой тарой разбрасываться.

– Пэр, уже не куришь, на Памир перешёл? – спросил Витёк.

– Мужик с клюкой крепче и дешевле а, Пэр это так, для форсу.

Злой знал, почему Ромб сигареты Памир назвал мужик с клюкой. Ромбу хотелось давно повзрослеть. А тут выдался шанс показаться перед своим недавним попутчиком к морю, не мальчиком, а повзрослевшим парнем.

Там на пачке был нарисован горец, взбирающийся в гору при помощи посоха. И покупали такие сигареты только мужики уважающие крепкий табак. Молодёжь предпочтение больше отдавала болгарским и албанским сигаретам.

– А где Ластик? – спросил Злой, – вы вроде с ним неразлучны. Неужели поссорились?

– Ты, что Злой, – Ластик из интеллигентной семьи. Его папа после побега сына неимоверно люет. Из партии выгнали за сынка, и из начальников цеха перевели в мастера. Он теперь после шести вечера Ластика на улицу не пускает. Ластик с Алькой сейчас дружит. Вот она по вечерам его дома и навещает. Алтана всё – же уехала в Грузию. Она оказывается, беременная была, вот и рвалась туда. И Альку подбила с собой. Алька живёт с женатым братом, у него своя семья, – ему сейчас эта сестра, как кость в горле. Её уже хотели направить в бессроч-

ную колонию за нелегальный туризм, да её тренер вступился. Она на коньках бегают хорошо, вот он и сказал, что из неё сделает Олимпийскую чемпионку.

– С такими ногами как у неё и я бы бегал по мастерам, – тяжело вздохнул Злой. – Я в хоккей играю, и в юношескую команду меня не взяли только из-за плохого поведения. Подрасту немного пойду в основной состав, – буду играть, как Гуля Чистовский или Халаичев.

– А я в хоккей не могу играть. Я на гармошке бацаю не хило, карманы щипаю ещё лучше. И думаю, у таких ребят как мы с тобой мечты не сбываются, – сказал Ромб. – Так – как у нас точки опоры нет, и живём мы не по заветам Ленина, а по законам улицы, так мне завуч сказала. Я подумал на досуге и согласился мысленно с ней. Отец мне точку опоры не даёт. Если бы он мне купил аккордеон, я бы не громил ларьки и не таскал лопатники. У Ластика всё дома есть. Он из богатой семьи, и отец его пытается держать в ежовых рукавицах. Порол его с первого класса. А Ластик свободу любит, вот назло папе и сбегает то и дело из дома.

Тут прозвучал свисток о начале третьего периода, и ребята прошли на трибуны. Там они обменялись адресами, а после окончания матча простились, дав обещания, что отныне они забывать друг друга не будут.

Превратности судьбы

Ромб долго себя ждать не заставил. На следующий день Витьку утром позвонили в квартиру. В дверях ему улыбался Ромб и Алька с Ластиком. В руках Ластик держал коричневый большой кожаный министерский портфель.

В кинотеатре ребята смотрели новый фильм «Берегись автомобиля» а затем празднично шлялись по городу. Виктору тогда и в голову не пришло, что они присматривали ларьки, которые можно было не напрягаясь взять.

– Перекусить бы не мешало, – изъявила желание Алька.

– Пошли в столовку, – предложил Злой.

– Зачем она нам, – заартачился Ластик, – у нас полный портфель жвачки, – пошли в подъезд сядем и пожуём.

– Не надо в подъезд, – возразил Злой, – у меня друг надёжный есть Рыжик. Вот к нему и пойдём. Он мужик уже, – но вы не бойтесь ни Рыжика, ни его жены. Они законные люди. Я с пацанами, часто зависаю у них в доме. Там если, что и переспать можно.

...Он привёл их к Рыжику. Вероны нигде поблизости видно не было. Когда Ластик извлёк из портфеля всю снедь, в которую входили две противотанковых бутылки вермута, глаза Рыжика сразу оживились. Затем на столе оказалась колбаса докторская, сыр, вобла и горка конфет – батончики.

– Вы что бакалейный магазин подломили? – спросил он у гостей.

– Нам и бакалея по зубам, – гордо заявил Ластик и вытащил со дна портфеля набор инструментов для взлома замков. Там была и фомка и разные отмычки с пилками, а также связка разных ключей.

– Эти продукты с ларька, – объяснил Ромб, – они для нас самые доступные, их никто не охраняет. И мы без проблем можем взять любой, за исключением рынков. Там сторожа бродят, опасно туда соваться.

– Вот жуки, – неплохо вы пристроились, – похвалил их Рыжик, – может вам подкинуть несколько точек для работы. У меня есть на примете ларьки, не только где продукты есть, но и галантерея.

Они увлеклись разговором, что не заметили, как с русской печки на них смотрит и слушает проснувшаяся Верона.

– Мы для этого и приехали сюда, – сказал Ластик, – в Горьком уже опасно потрошить ларьки. Мы же не одни там такие ухари. В газетах уже пишут о повальных взломах ларьков. А на Мызе, кто – то умудрился из ларька вывезти несколько мешков муки и разных круп. Поэтому наряды милиции на улицах сейчас усилили.

– Нам галантерея пока не нужна, – раздался голос Вероны с печки, который заставил вздрогнуть гостей, – кур кормить нечем, – слезла она с печки и, подойдя к столу, восхищённо сказала:

– Вот это мы гульнём сегодня! Друзья Злого, – наши друзья! Придётся в погреб лезть, – солёной капусты, хоть достать, да грибков маринованных.

Виктор пить отказался и ушёл от Рыжика, когда его друзья, сморённые вином, полезли на печку и там уснули.

Больше их Виктор не увидит.

Только через семь лет он узнает, что в эту ночь они с Рыжиком обчистят галантерейную лавку и их утром возьмут с награбленными вещами в электричке.

Но они не продадут Рыжика и отведут от себя Альку прямо в электричке. На полтора года они попадут в колонию для несовершеннолетних преступников.

Рыжик в тот день не знал, что ребят взяли.

На следующий день поместному радио он услышит, что на электричке работниками транспортной милиции были задержаны малолетние преступники, действующие в Моховых горах. При них были найдены орудия преступления, а так – же часть похищенных вещей из галантерейной лавки. Он на пару дней затаится, на свалке. Но, услышав от Вероны, что вокруг штиль стоит, вылез из своего логова. Ему было ясно, мальчишки его не сдали милиции, и гроза прошла мимо. Он через два месяца приступит к реализации своего плана с ювелиром, выбрав для этого самый удобный день. В святки, когда по улицам города будет много ходить ряженных людей, они пойдут на дело.

Пыжа они не возьмут с собой. Он будет лишней фигурой, так, как женщина с пряжкой просквозила от них, пока Рыжик трясся от страха, ожидая каждый день, что за ним могут приехать люди в синих шинелях.

Рыжик даст в руку увесистый пистолет Витьку и на голову наденет колпак рыцаря средневековья, сделанный из кордона с вырезами для глаз. А для себя он взял противогаз, принадлежащий когда – то Витьку.

– Ты же сказал, что чисто будем всё делать без оружия, – упрекнул Злой Рыжика.

– А где ты видишь оружие? – усмехнулся Рыжик, – у тебя в руках всего-навсего пугач. Психологический инструмент, как захочешь, так и унизишь. Загонишь им Самосада в туалет, а мы с Вероной будем хату шмонать.

На одной Вероне не было маскарада. Она была похожа на нэпманшу. В пальто с каракулевым воротником и такой же шапке, она создавала впечатление благородной барышни.

В таком виде она нажала на кнопку звонка Самосада. У коридорной стенки, притаившись, стоял Злой и Рыжик. Когда зафиксированная дверь с цепочкой немного приоткрылась, раздался голос Самосада.

– Вам кого дамочка?

– Я от Кантемира, – произнесла она, – он мне вас посоветовал.

После чего она показала на ладони две пары серёжек и перстень.

Цепочка с двери была снята и дверь открылась.

– Проходите? – доброжелательно сказал Самосад.

Но вместо Вероны первыми в квартиру вбежали Злой и Рыжик. Верона быстро закрыла за собой дверь и накинула цепочку. Бледного Самосада в это время за горло держал Рыжик, а Злой приставил к его груди ствол пистолета.

Они усадив его на унитаз, предварительно обмотали руки и тело белой тесьмой, которую хоккеисты использовали вместо шнурков.

– Говори, где золото прячешь Дупель? – прогудел в противогазе Рыжик, – и достал из-за пояса молоток.

– Я не Дупель, я Самосад, – зажмурив глаза, прошамкал ювелир. – Вы меня перепутали. Дупель очень богатый еврей и живёт он на улице Чапаева дом семьдесят. Идите к нему, а я сейчас только гравировкой занимаюсь. В основном часики облагораживаю надписями дарственными, да пишу могильные пластины. Я ведь не ювелир, а гравёр, работаю в похоронном бюро. Откуда у бедного еврея золото. Разве его дают за чужое горе?

Рыжик приподнял над его головой молоток.

– В жестяной коробке от чая, – выпалил он сразу, – коробка стоит в нише под кухонным окном.

– Давно бы так, – прогудел Рыжик, – сиди тут тихо, жив будешь.

Он закрыл дверь туалета и, достав из кармана большой гвоздь, вбил его в дверь, после чего молоток положил на рядом стоявшую полку для обуви.

Поживились они у Самосада прилично. В коробке лежало не только переплавленное золото, но и несколько ювелирных изделий и исковерканные зубные коронки. Книгу «Еврей Зюсс», Злой, зачем то забрал себе. Со стены сняли четыре графических полотна. В гардеробе

у ювелира висело два бостоновых костюма и кожаное пальто с меховым воротником. Всё это добро они сложили в пустые чемоданы, лежавшие у Самосада на шифоньере.

– Трогать ничего не будем, – сказал Рыжик у себя дома, – убедимся вначале, что всё тихо тогда и поделим.

– А что может еврей крик поднять? – спросил Витёк.

– Если бы я знала, что он крик подымет, ни за какие деньги не пошла бы к нему с открытым лицом, – уверенно заявила Верона. – Крик с его стороны может в первую очередь отразиться на нём. Он скупает золото у населения и торгует им. Ему за эти дела срок большой накрутят.

– А коронки он с покойников снимает, – сказал Рыжик, – их делить между собой не будем. Выкинем. Грех большой в оборот пускать такое золото.

...За Виктором приехали на работу через день. Он отдыхал в обеденный перерыв, в раздевалке растянувшись на лавке. Почувствовав, что кто – то дотронулся до его плеча, он открыл глаза.

– Ты Яшин? – спросил его мужчина в каракулевой шапке с кожаным верхом.

Витёк сразу угадал, что этот мужик в штатском с одутловатыми щеками и строгими глазами из милиции.

Он паниковать не стал, а молча встал и, подойдя к своему шкафу, сбросил с себя спецовку и надел чистую одежду. Когда они вышли из раздевалки, то у дверей их встретили два милиционера. Они провели его через весь цех. Витёк шёл с опущенной головой ни на кого, не смотря, ощущая на себе осуждающие взгляды всех, кто находился тогда в цехе. Его посадили в машину «чёрный воронок», и увезли в милицию. Там он узнает, что чета Большаковых тоже арестована и нашли их по молотку, который оставил на полке Рыжик. Он сразу раскололся на первом допросе, заложив, Витьку и свою жену. При обыске в квартире Витьки, под подушкой найдут книгу Еврей Зюсс; а в старом самоваре обнаружат спрятанные часы, как оказалось, раньше они принадлежали народному судье Самойлову. Отпираться от часов смысла не было. За них Витьку повесили ещё одну статью.

Через два месяца состоялся суд. Рыжика приговорили к одиннадцати годам особого режима. Вероне дали три года, а Витьку впяли шесть лет и приплюсовали год условного. В общей сложности у Витьки получилось сроку семь лет. Его отправили на режимную зону в Адыгею, где свою кличку Злой, полностью оправдал. Уважать его начали ещё в следственном изоляторе. Вооружённый налёт с применением огнестрельного оружия, считался дерзким преступлением. И это преступление громким эхом прокатилось по тюрьме, особенно по камерам, где сидели малолетние преступники, и эта слава проследовала за ним до режимной колонии, а потом уже и до исправительно-трудовой колонии. Там он попал в блатную семью с большим весом, где каждый пользовался огромным авторитетом. Эти люди одним взглядом могли распознавать, хорошего человека от подонка. От них Злой много набрал положительных качеств. Заповедь каторжанина, «не бойся, не проси, не обещай» он усвоил, как Отче наш. Он научился, как правильно жить в зоне, чтобы не попасть в «непонятное». А как постоять за себя, Злого не надо было учить, он сам любого мог научить этой науке. Он был вежлив с теми заключёнными, кто по понятиям зоны считались не замаранными арестантами. Он старался не лезть на рожон администрации. Работал токарем в небольшом цеху, где собирали сантехнические задвижки. Вечерами играл в шахматы или читал книги. Отсидев, половина срока его считали уже умудрённым сидельцем и многие заключённые, имевшие большой тюремный стаж не считали зазорным, обратиться к нему за дельным советом. Не редко их семью приглашали рассудить справедливо спор, возникший между зеками. Злой никогда не делал попыток, вживаться в роль урки, как это делали некоторые заключённые из молодых. Он был естественным и натуральным человеком. За это его уважали! К концу срока его авторитет подлетел до самой высшей планки. Выше его была только администрация и то не вся. Находились такие вольнона-

ёмные работники, кто делал ему некоторые одолжения, связанные с проносом запрещённых вещей. В основном это был чай, за который сажали в изолятор и иногда водка. Заарканить такого «извозчика» не каждому было под силу. Он уже без своих кентов вёл разборки, разливая по справедливости инциденты. Виктор понимал, чем меньше выпадов со стороны гнилых интриганов на зоне, тем спокойнее жизнь для остальных. Интригана он сразу избличал, по бегающим глазам и эмоциональной речи. Но попадались порой интриганы, которые обладали твёрдой речью и умными глазами. Они шли напролом, оставляя после себя «кучу мусора». Им выгодны были скандалы. Они корчили из себя блатных зеков и интриги создавали, только среди середняков, за которыми не стояли авторитеты. Каждый выигранный ими разбор поднимал их рейтинг. Но рано или поздно их выводили на чистую воду, и тогда можно было судить, кто чего стоит? Кто бежал от наказания к куму, а кто прятался в одиночной камере изолятора и ждал разнарядки на другую зону. Интриган или глист, так их называли на зоне, не мог с достоинством принять обвинение в свой адрес. Его низкая и вывернутая наизнанку душонка искала защиты только у администрации.

За неделю до освобождения Злого, по зоне прошёл слух, что прибыл этап с двух городских зон. У них в бане между собой разразилась драка, из-за куска хозяйственного мыла. Это было смешно, из-за таких мелочей не только не дрались, но и не ругались.

Вечером к нему в секцию пришли за правдой зачинщики конфликта. Злой сидел со своим старшим другом Батом на шконке и высказывал ему свои планы, которые он обязательно должен реализовать на свободе.

– К тебе пришли Злой, – сказал, ему шнырь. – На улицу зовут. Это те с этапа, что в бане сцепились из-за мыла – пояснил он.

– Веди их по одному сюда. На улице январь, чего я пойду нос туда морозить, – ответил Злой.

Первым привели дёрганого немного невротического парня лет двадцати семи. На нём были стоптанные с протёртыми дырами на голенищах сапоги и бушлат в сальных пятнах. По робе можно было судить, что человек на старой зоне ничего собой не представлял.

Этот парень обвёл взглядом Бата и Злого, поздоровался с ними и присел на табурет.

– Ну, рассказывай «чистюля», что там у вас произошло? – обратился к нему Злой, – но запомни, если у вас камнем преткновения был только кусок мыла, я с вами разбираться не буду. Пошлю за баню, вы там себе ещё раз морды отшлифуете и пожмёте руки. А я так и быть вручу вам по куску мыла. Но вначале представься, кто ты есть и откуда.

– Я Лёха Хруст, родом из Канаша, но последние годы жил в Горьком в Черепичном посёлке.

– Кто тебя такой кликухой наградил? – спросил его Бат, – ты, что рублики любишь.

– А кто их не любит, – ответил Хруст, – а кликуху мне Щуп дал. Он сейчас на свободе.

– О Щупе можешь мне ничего не говорить, – сказал Бат. – Я его давно знаю. Мы с ним в Вязниках с первого дня нашего пребывания одну пайку кушали. Потом нас на девятку кинули. У него тогда срок пять лет был. Только вот я никак не въеду, ты знался с таким авторитетным человеком и не научился тюремному такту. Нельзя махать из-за мыла. Дешёвым базаром пахнет и ты не думай, что кто – то из серьёзных людей впряжётся в это дело. Сами разбирайтесь без нас.

– Дело тут не совсем в мыле, – сказал парень, – мне кенты в это мыло зарядили триста рублей. Когда нас повели в баню, я его взял вместе с собой, не знал, что там мыло дают. Оно у меня в мочалке было завернуто. Переодеваться когда начали, рядом со мной на лавке сидел гармонист. Он вместо своей мочалки взял мою мочалку. У него тоже там мыло было. Я опомнился только в бане, что это не мой предмет гигиены, когда начал натираться. Моя мочалка жёстче была.

– Ты, что поэму о мочалке хочешь нам рассказать? – иронически заметил Злой, – давай ближе к делу?

Парень занервничал, и губа у него от волнения начала дёргаться.

– Свою мочалку я нашёл у гармониста. Мы с ним ту – же поменялись.

– Гармонист это что кличка у него такая, – спросил Бат.

– Зовут его Роберт, но сюда он ехал со своей гармошкой.

Вот я его и спрашиваю, а мыло где? А он говорит, что кто – то взял мылиться. Я тогда не стерпел и врезал ему. А он меня тазиком по шарабану начал бить. Размундирил жбан до крови. Тут надзиратели ворвались и всех нас выгнали. Плакали теперь мои три сотни.

– Ты что совсем ненормальный, кусок мыла стоит десять копеек, а ты тремя сотнями решил помыться, – сказал Злой. – Ты сколько отсидел на городской зоне? Тебя что не научили там, как умно обращаться с деньгами надо, и как себя вести правильно, когда моешься с незнакомыми людьми в бане? Что у тебя острая необходимость была доставать именно это мыло?

– А у меня другого не было, – заявил он, – а сию я третий год, и жил я на той зоне неплохо.

– Надо думать, если тебя снарядили такой крупной суммой денег, – сказал Злой, – но лучше бы они тебе сапоги приличные подогнали и обмундирование путёвое. Больно позорно ты выглядишь. Но дело не в этом, ты по сути дела этому гармонисту нанёс оскорбление. У нас в зоне всё хозяйственное мыло считается общаковым, – духовое другое дело – это индивидуальный предмет гигиены. Ты должен пожать гармонисту руку, и извиниться перед ним. А я сейчас дам команду шнырю из бани, чтобы он вместе с вами все куски порезал на части. Но если там денег не окажется, то тебе придётся ответ держать не только перед гармонистом, но и перед нами. А это уже серьёзно!

– Я понял всё, – сказал парень, – перед Робертом я сейчас извинюсь. А капот на мне чужой. С бура на этап собирали и ничего путём не дали взять. Шмотки я себе приобрету здесь новые. Осмотрюсь только немного. Хруст надел на себя шапку и, кашлянув в кулак, сказал:

– Ну, я пошёл. А этого Роберта – гармониста подтолкнуть к вам? Он около барака стоит.

– Зачем он нам нужен, если ты сейчас с ним уладишь весь присест, – сказал Бат.

Деньги в этот день были найдены, а на следующий день на разводе вокруг Витька будет кружиться невысокий пухлый парень. Он вглядывался в лицо Витька и старался заглянуть на грудь бушлата, где висела бирка с фамилией. Но стоявшие в окружении его разбитные заключённые, мешали ему это сделать.

Витёк заметил, что незнакомый парень проявляет к нему интерес. И, отодвинув рукой в сторону Шурупа, – парня из своего отряда, спросил:

– Земляк ты чего круги вокруг нас нарезаешь, надо чего подойди, – спроси?

Парень подошёл ближе к толпе и, прочитав, на нагрудной бирке Витька фамилию Яшин, сказал:

– Я Роберт, который в бане буцанулся с Хрустом, – представился он.

– Ну, вы же деньги вчера нашли, инцидент погасили, – сказал Витёк, – чего ты хочешь?

Года изменили и Витька и Ромба, они не видались больше семи лет. А в этом возрасте человек особенно формируется. Он начинает заметно мужать. У человека значительно меняется голос, прибавляется рост и пропорционально росту меняется масса тела. Злой не догадывался, что перед ним стоит Ромб.

– Тебе в Тульском приёмнике не приходилось бывать? – спросил Ромб.

Витёк вглядывался в лицо пухлого парня и, переведя глаза на его бирку, недоумённо воскликнул:

– Ромб, неужели это ты?

– Он самый, – прослезился Ромб, – только я не Ромб давно, а Роберт. Дар стихоплёта у меня открылся, вот в честь Роберта Рождественского меня на десятке и прозвали так.

– А Ластик где? – спросил Витёк.

– С ним мы вместе были в колонии на малолетке. Я, как освободился, мои родители сразу квартиру в Горьком обменяли на Выксу. Я его после освобождения, можно сказать, и не видал. Но знакомые пацаны мне сказали, что Ластик уехал к Альбине в Казахстан. Она там, в институте на тренера учится. А я после колонии и году не погулял, загремел за сельскую столовую в районе. Обидно ничего там и не взял, даже кружки пива не успел выпить. Сложил в мешок масло сливочное, корейку, папиросы и трёхлитровую банку с повидлом. Думаю сейчас пива выпью и полезу опять через окно. Тут свет включается, и вижу два дула на меня направлены. Два сторожа с элеватора с ружьями стоят и председатель колхоза. Если бы я знал, что они у них не заряжены, сиганул бы в другое окно. И хрен бы они меня догнали.

– Слушай, Ромб ты мне тут за одну минуту выпалил про всю свою жизнь. Ластика не увижу – жалко! Вы оба для меня были всегда одно целое! Я понял, что жизнь у тебя в принципе стройная, но не отрегулированная председателем колхоза.

– Вить думай что хочешь, – отрешённо сказал Ромб. – Но встреча с тобой для меня не событие, а история приезда одного бедолаги ко второму.

– Поздно ты приехал Ромб ко мне, – сказал Злой, – я досиживаю седьмой год, и мне осталось пять дней до свободы. Но ты не волнуйся, тебе здесь и без меня неплохо будет, – пообещал Витёк, – я тебя передам в хорошие руки.

– Витя я слышал, что ты здесь рулевой. Я просто вчера и думать не мог, что Злой и ты одно лицо. Если бы знал, то мы бы сразу встретились. Но пойми меня правильно, я как ты, высоко не летаю. Я неловко себя чувствую себя среди блатных. Я простой сиделец, но могу искусно щипать кошельки и отлично играть на гармошке. Никогда не завязываюсь с внутренними гнилыми делами. Мне так спокойней живётся. А чалиться мне осталось чуть больше года. Проиграю этот срок на гармошке и домой. Наверное, женюсь, как освобожусь.

– А ты, что аккордеоном так и не обзавёлся? – спросил Виктор.

– На свободе недосуг было, а на зоне аккордеон только в карты можно выиграть или за большие бабки купить. Их у меня нет, а в карты я не играю. Только фокусы постигаю, а еще от карманника, по прозвищу Кроха, повысил весомо свою квалификацию. Правда его приёмы ещё не применял на свободе, но знаю, что это доходное дело у меня получится. Вот тогда я аккордеон себе и куплю.

– Кроха фокусник известный, никогда за карман не сидит. Его крутят всегда за преступления, которые он не совершал. А насчёт мехов не отчаивайся, – успокоил его Витёк, – я что-нибудь придумаю. У нас тут пару аккордеонов есть на зоне, но их хозяева не музыканты, – играют так, что слушать тошно.

У вахты перед свободой Виктора, Ромб ему играл на немецком аккордеоне Кукарачу и Журавлей. Это была их последняя встреча. После этого их дороги разойдутся.

Он не как все

Когда Анюта оставила Виктора в одиночестве, она вышла на улицу раздетой. Пурга и не думала утихать. Она завывала в белой ночи Заполярья, словно одинокая волчица.

Анюта сгрела ладонями охапку снега, лежащего у неё под ногами, и освежила им лицо. Посмотрев вокруг себя и, убедившись, что рядом с ней нет ни одной души, прикоснулась плечом к выступу здания.

«Как странно раньше я ненавидела пургу, – подумала она, – а сейчас я не хочу, чтобы она усмирилась. Она меня познакомила с прекрасным человеком».

– Я знаю, почему ты так рыдаешь, – крикнула громко в неизвестность Анюта, вглядываясь в снежные завихрения. – Завтра может наступить лето, и ты будешь дуть без снега, не представляя опасности ни птицам, ни людям и тем более мне. Похоже, у меня крылья выросли, и если я не ошибаюсь, то улечу отсюда в тёплые края навсегда повенчанной тобой – пургой Заполярья. Потому что я чувствую, что это именно тот мужчина, которым я грезила в своих мечтах. А с тобой пурга я прощаюсь. Больше мне не придётся сутками просиживать из-за тебя в аэропортах, отнимая у жизни драгоценное время, – она у меня должна быть полной! А сейчас будь добра, на прощание прояви свой свирепый каприз подольше? Дуй сильнее, заноси своим снегом всю взлётную полосу? Не давай дорогу в небо самолётам? Мне нужно закрепить знакомство с мужчиной, с которым я пойду дальше по жизни. Сейчас моё счастье зависит от тебя! Ты меня должна понять! Ты, как и я, женщина и так же одинока! Помоги мне? Я боюсь, если ты сейчас успокоишься, то лишишь меня единственной мечты, – быть счастливой! А мне счастье так необходимо, как и каждому человеку! Я боюсь, он сядет сейчас на самолёт и улетит вместе с моей мечтой. А я останусь одна со своими иллюзиями о счастье.

Анюту показалось, что пурга её услышала и в ответ завывала ещё сильнее. Она зашла в вокзал и прошла к Ире.

Та сидела в кресле и вязала, что – то на спицах.

– Всё ужин окончен? – спросила Ира.

– Мне, кажется, он только начинается, – ответила Анюта и, достав из своего рюкзака джинсы и серый мягкий свитер, направилась переодеваться в туалет.

Возвратилась она оттуда высокопарной ласточкой с обольстительной улыбкой.

– Неужели это он? – пылливо посмотрела на подругу Ирина, когда та вернулась из туалета, где Анюта скинула с себя костюм геолога и облачилась в модную одежду, превратившую её в ходячую изящную миниатюру.

– Кто он? – не поняла Ирину Анюта.

– Избранник твоей судьбы, – тот который нас шоколадом угостил, – хитровато улыбаясь, произнесла Ирина.

– Не знаю Ириша, – достала она косметичку, – могу только сказать, что он не похож на плохого мужчину, которого я знала раньше. Он безумно обходителен, обаятелен, обольстителен и это всё в одном флаконе. И вообще он мужчина весть из госта. В нём нет ни консервантов ни тартразинов ни других вредных пищевых добавок, он натурален, как солнце, как небо! О таком мужчине не каждая женщина и мечтать может, а он рядом со мной сейчас. За одним столиком сидим и предаёмся воспоминаниями. Моя голова находилась на его плече несколько минут. И я ощутила в себе такой прилив чувств, что ты представить себе не можешь. И важно, то Ириша, что он вдовец. Тем более, я ему в робе геолога приглянулась. Посмотрим, как он меня встретит такой? – она провела изящно руками по своим бёдрам. – Думаю, он не устоит!

– Будь я мужчиной, я бы тоже не устояла, – оценивая фигуру Анюты, сказала Ирина. – С твоими внешними данными любого плейбоя можно завлечь.

– Он не плейбой Ирина. Плейбои женщин меньше чем себя любят и добиваются их расположения только ради своего самоутверждения. А Виктор настоящий мужчина. Он надёжен и естествен. Если мне с ним повезёт, то я буду самой счастливой женщиной на свете!

– А он кто по профессии? – спросила Ирина.

– Не знаю, сама ещё толком не разобралась. Говорит, был начальником монтажного управления. Сейчас у него свой мясной магазин, которым он один руководит. И дочь имеется взрослая, но она живёт не с ним, а в Подмоскowie. Он обеспеченный, даже говорит богатый.

– Точно ты кинешь нас, – сказала Ирина, – богатый мужчина, – это удачный выбор. Ни одна женщина такого шанса не упустит.

– Глупая ты Иришка. Разве в этом дело. У меня самой денег хватит, чтобы до старости содержать такого мужчину. Пускай он будет голым и нищим, но с обязательной приставкой; любимым и любящим! Когда человека по-настоящему любишь, на такие вещи, внимания не обращаешь.

– Ты же мне говорила, что у тебя не было настоящей любви. Откуда тебе про это знать?

– Любви настоящей не было, ты правильно говоришь, но сама я могу любить безумно и бескорыстно, – ответила Аня. И, посмотрев на себя в зеркальце – пудреницу, заспешила в ресторан.

Сказка для двоих

Виктор сидел и курил за столиком, отвлечённо о чём – то думая, не заметив, как в зал вошла Аня. Лёгкое дуновение её духов, обдавшее его нежным ароматом, заставило оторваться от своих мыслей и повернуться к ней. Она предстала перед ним в другом одеянии, но с прежней милой улыбкой.

– Ты знаешь Аня, а меня посетила предательская мысль, что ты больше не появишься в ресторане, – взбодрившись её появлением, обрадовался он. – Сказала на минуту, а исчезла почти на час. Я за это время успел уже пообщаться с вашими геологами и близко познакомиться с Алексеем Маркиным.

– Прости? – пришлось задержаться, – не убирая улыбки, ответила она. – Выходила на улицу выпрашивала у пурги погоды, а потом пришлось переодеться. Неудобно, как – то, ты элегантен Джеймс Бонд и я рядом с тобой в спецодежде геолога, никакой гармонии. Контраст какой – то неправильный, при шубе и в лаптях.

Он не обратив внимания на её последние слова, спросил:

– Ну и послушала тебя пурга?

– Пока не знаю, но видимость на улице нулевая.

– Я так я почему-то и подумал, – заглянул ей в глаза Виктор. – И мне уже кажется, что улетим мы отсюда, когда ручейки зажурчат, и жаворонки свои трели затянут.

– Ты сильно спешишь? – спросила она.

– Спешить мне особо некуда, срочные дела сделаны. Но если ты будешь рядом со мной до пения жаворонков, то я согласен потерпеть ещё некоторое время этот терминал.

– А после того, как отпую жаворонки, ты уже не хочешь ощущать моё присутствие около себя? – тихо спросила она.

– Очень хочу, – так – же тихо, как и Аня, ответил он, – но пускай это будет не заполненный вокзал, а квартира в Поволжье.

Он заметил, как блеснули её глаза после сказанных им слов и остался доволен, что не нашёл в них отрицательного ответа. Ему казалось что, невзирая на непогоду, она готова была уже сейчас уйти с ним из заложниц пурги, и уехать в самую далёкую точку земного шара.

– Ты знаешь, а у нас здесь водятся только рогатые жаворонки, они красивее обычных полевых птичек. Они настоящие франты среди всех жаворонков. У них белая грудка и чёрный шарф на горлышке. А рожки придают им немного хищности. Хотя эти птицы, кроме травы и насекомыми вряд ли чем питаются. И трели выдают только самцы, привлекая этим подружек.

Виктор, немного сморщив нос оттого, что хорошую тему она перевела на орнитологию и, откинувшись на спинку стула, сказал:

– Ты говоришь не о том, что хочешь сказать. Меня эти жаворонки, рогатые или пестрокрылые, честно говоря, не волнуют. Меня волнуешь ты, и я считай, сделал тебе предложение. И могу уверенно сказать, что тундра тебе давно приелась. Ты ищешь сейчас для своей души искренней любви и покоя. Считай, ты всё это нашла! Все твои жизненные блага сидят перед тобой в облике Виктора – победителя, пускай и с седой бородой, – провёл он рукой по своей щетине, – но с чистыми и искренними намерениями.

Глубоко вдохнув новую дозу словоизлияния, он продолжил:

– Поверь мне милая Аня я не злой чародей, а человек непонимающий, что с ним происходит в этот миг. Думаю, что это колдовское влияние твоих чар и возникшая тревога боязни потерять тебя так – же быстро, как и нашёл. Поэтому я напористо форсирую события. Мне бы не хотелось чтобы ты после пурги как жаворонок вспорхнула крыльшками.

– Да жаворонки быстро летают, сказала она, – но зато ты по скорости обольщения ты спринтер. И при таких скоростных качествах, жаворонок может просто не успеть расправить свои длинные и широкие крылышки.

– Я сам удивляюсь своей уверенной смелости. Наверно это выработано моей прошлой работой в качестве руководителя. Думаю, это выглядит, намного реальней, если бы я тебе сказал, что со мной такого не случилось.

Он взял её левую руку за запястье, на которой находились часы, и постучал пальцем по циферблату.

– Останови часы прямо сейчас и запомни это время, оно для нас всегда будет символическим! Прощу тебя, сдай билет на свой рейс и поехали вместе со мной?

Анюта не смутила не напугала слова Виктора, она ждала их. Ей понравился этот мужчина, как только он присел в зале вокзала рядом. Приятный тембр и седая щетина затронули её давно не возникающие любовные чувства. Она вдруг захотела нежности и ласки, о которой давно забыла. И она почему – то представила себя его супругой, не устыдившись ни на гран своей мысли. Перед её взором предстала уютная кухня с большим холодильником, на котором стоит вечно цветущая бегония. И круглый стол, за которым сидят супруги. Перед ними стоит лёгкий завтрак, и она периодически подсовывает ему бутерброды. И в этот же день, вечером тесно прижавшись, друг к другу на диване они смотрят по телевизору интересные программы. Когда он пригласил её в ресторан, она поняла, – возможно, это золотой шанс, подаренный ей судьбой. Ей надоело смотреть в экспедиции на одни и те же лица, а тут свежий и интересный мужчина приглашает её в ресторан. ...Анюта, практически не ломаясь, приняла его предложение, высвободила свою руку и остановила часы, на цифре 9, показав ему циферблат. Он понял, что его предложение принято и ласково посмотрел в её глаза, которые только что ответили взаимностью. Она сидела перед ним, не задумчивая и не испуганная, а нежная и красивая. В глазах стабильный блеск радости и счастливая улыбка. Выбор был сделан. Она давно знает, что ей надо от этой жизни!

– Боже мой, – произнесла она, – ты меня так расслабил, что я вдруг к своей работе стала испытывать равнодушие. Действительно жизнь в тундре пора заканчивать, но позволь мне пока соблюдать декорум. Я хоть и женщина, но за время своей работы разучилась краснеть. Работая большую часть времени с мужским коллективом меня трудно чем – то смутить. Я хоть и остановила часы, но во мне сейчас борются между собой двойные чувства. И прими твоё предложение прямо сейчас, – я боюсь вызвать у тебя противоречивое мнение о себе. А мне бы этого не хотелось. Если ты хочешь, чтобы у нас состоялся союз, – давай мы с тобой встретимся на нейтральной территории? Я в конце июня по путёвке еду отдыхать в Алушту. Приезжай туда и мы всё обсудим. У тебя будет время принять правильное решение в отношении меня. Я не исключаю возможности, что на тебя романтически действует местный климат и пурга. По словам моих коллег, с ними такое часто случается именно в нелётную погоду. Они неизменно жаждут женского тепла при капризах погоды, – под треск дров горящих в печке – буржуйке. А за месяц ты отогреешься и под крымским солнцем сможешь разобраться в своих чувствах.

– Я немолод Анюта, – выслушав её, сказал он. – И я в данный момент не говорю о любви, я пока говорю тебе о большой симпатии. А симпатия и любовь сёстры – близнецы. Они не могут сосуществовать друг без друга. Мне не нужно крымское солнце, чтобы разобраться в себе. Мне нужна ты, – неважно где! Из-за тебя я готов жить здесь в этом суровом краю и слушать трели рогатых жаворонков. Квартира у меня здесь есть. Из-за тебя я на алтарь могу бросить всё, что нарабатал за свою жизнь. Я продам всю свою недвижимость и приеду сюда. Обязательно куплю большой аквариум, где будут плавать телескопы и вуалехвосты. И мы с тобой в последующую непогоду будем сидеть у аквариума, любоваться рыбками и смотреть телевизор. А в Алушту мы вместе поедим, но уже как супруги.

Анюта мгновенно вспыхнула, подняв удивлённо на него свои глаза, и подвинув свой стул ближе к нему, сказала:

– Странно, но наши мысли во многом совпадают. Но только не надо ничем жертвовать ради меня. Аквариумные рыбки и телевизор приятней смотреть там, где не ощущается нехватка кислорода. Мне кажется, на севере нет долгожителей. По разным причинам люди покидают эти края. Здесь не увидишь дедушку с длинной бородой или сгорбленную бабулю, опирающуюся на палку. Они вымирают или мигрируют на материк. Но, как бы то ни было, ты Виктор, словно трактором проехал по моей душе и лишний раз напомнил, что я женщина и должна поменять образ жизни. Я надеюсь, что у тебя седина только в бороде и бес тебе в ребро не заехал. Я охотно принимаю твоё предложение, но мне всё равно нужно определённое время. Может день, может месяц. Всё будет зависеть от обстоятельств. Я сдам билет на этот рейс и завтра уеду в Дудинку за расчётом. Если у тебя время есть, жди меня? После полетим в Красноярск, я хочу показать тебе норку, в которой я живу, когда приезжаю с экспедиции.

В знак благодарности Виктор нежно обхватил её руку и пригласил радостным выражением глаз официантку, которая сидела за служебным столиком.

Она поняла его и без промедления подошла к столу.

– Решили расширить свой заказ? – спросила она и приготовила блокнот с авторучкой.

– Да принесите нам четыре бутылки с залпом, и жареных куропаток с луком. Мы будем пить за ваш город и неугомонную пургу, – вычурно произнёс Виктор.

– Хорошо сейчас будет, – ответила официант, – только куропаток придётся немного подождать.

– А мы уже никуда не спешим, – сказала радостно Анюта.

– Как не спешите? – переспросила официант.

– По крайней мере, на первые рейсы мы не торопимся, – объяснила Анюта, – дождёмся, когда зал ожидания разгрузится от большой массы пассажиров.

– Да зал ожидания маловат для вашего города, – заметил Виктор, – всё – таки Норильск большой индустриальный город Севера.

Официант опустила в карман фартука блокнот с авторучкой и выправила перед посетителями спину:

– Совсем скоро начнут строить новый терминал, который будет лучшим в России, – горделиво заявила официант и повернула голову в сторону группы подвыпивших геологов. – А ваши ребята мне кажется, очень торопятся. Они уже заказали в дорогу с десяток жареных куропаток и рулет из мяса.

– Вот они пусть летят, а мы пока всё Шампанское не выпьем, с места не тронемся, – сказала Анюта.

– Тогда я всё поняла, – прищурила лукаво глаза официант и удалилась на кухню.

Анюта проводила её взглядом и, повернув своё лицо к Виктору, задумчиво сказала:

– Мне вдруг на миг показалось, что я сплю или я намеренно совершаю большую глупость.

– Не верь этому мигу, он провокатор и это не сон, а явь, – успокаивал он её.

– Но так не бывает ни в жизни, ни в сказках, – говорила она. – Чтобы за два часа знакомств принять скоропалительное решение и подписаться под своей судьбой с человеком, возможно обладающим гипнотическим даром.

В ответ он только улыбнулся ей. И погладив её по плечу, произнёс:

– Мы с тобой авторы этой красивой сказки и читать её ни кому не позволим. Будем сами наслаждаться до упоения сказочной жизнью. Уверяю тебя, дальнейшее продолжение нашей встречи будет ещё невероятней, я могу людей удивлять приятными и неожиданными сюрпризами.

– Например? – спросила Анюта.

– Сегодня я сам себе удивительный сюрприз сделал, – как бы оправдываясь, сказал он. – Сдёрнул за ниточку с неба самую яркую полярную звезду. Следующий сюрприз будет ожидать тебя у меня дома. Но хочу тебя сразу предупредить, я не могу говорить красивых слов и не могу объясняться в любви. Поэтому всё хорошее и приятное ты будешь получать от немого и скромного супруга.

– Не похоже, что ты немой, у тебя слова вылетают, как из рога изобилия. Думаю, ты сможешь найти правильные слова моему непосредственному начальнику Маркину. Он мужчина хороший, но настроение у него иногда меняется, как погода на севере.

Он встал со стула и прошёл к столику геологов. От них он вернулся с Алексеем Маркиным. На столе уже стояли четыре бутылки Шампанского и воздушные пирожные с фруктами.

Кукарача

Виктор усадил за стол Маркина и, показав на батарею Шампанского, сказал:

– Я хочу вам сообщить, что ваши опасения в отношении Анюты были не беспочвенны. Дальше Анюта с вами не поедет. Она едет со мной на постоянное место жительства на берег Волги.

Это сообщение Маркин воспринял без излишних эмоций, рассматривая наклейки на бутылках, делая вид, что эта новость кроме безразличия ему ничего не принесла.

– Я предчувствовал, что ваше застолье окончится таким исходом, – сказал Маркин, – это должно когда – то случиться. Я давно замечаю за ней, что она готова ногти грызть от одиночества. И как нам не жалко с ней расставаться, мы рады будем за Анюту, что она, наконец – то встретила хорошего человека. Я думаю, по этой причине её держать не будут, тем более она подготовила себе замену, – Ирину. Если мы до утра не улетим, я позвоню в управление, чтобы ей ускорили расчёт.

– Спасибо Алексей за добрые слова, – произнесла Анюта, – даже если меня не рассчитают, я всё равно заднюю скорость включать не буду. Я всё решила и обдумала.

– Спасибо, – это термин не геологов, – сказал Маркин, – ты это хорошо знаешь! Мы с тобой должны проститься по – человечески. У меня есть немного чужих денег, сейчас соберём новый стол и к нам. А Боб прощальную песню тебе сыграет.

Маркин перевёл взгляд на Виктора и сказал:

– Кстати он родом тоже с Волги, толи с Саратова, толи с Нижнего Новгорода.

Виктор задумался и, взяв сигарету, закурил. Он не ошибся, где – то их пути пересекались с тем дедом. Но Ромбом он не мог быть по той причине, что тот был на год младше его самого. А деду наверняка лет семьдесят.

– Если его фамилия Яшин, и он может играть Кукарачу, то его я знаю с юношеских лет, – сказал Виктор Алексею. – Но это всего лишь далёкая догадка.

– Насчёт фамилии не знаю, но мне кажется, он всё может исполнить, – утвердительно ответил Алексей, – ведь его не за синие, а умелые руки направила «Горная компания» работать в санаторий.

– Алексей, – встряла в разговор двух мужчин Анюта, – Виктору грезится, что он раньше знал Боба. Но мне кажется, Боб давно уже Сибирь и Север бороздит?

– Эти грёзы можно развеять, – встал Алексей с места, – сейчас приглашу его сюда и мы его попытаем немного.

Но пройти к своему столику ему не пришлось. Боб стоял рядом и отбивался от назойливой и подвыпившей женщины, которая втискивала ему насильно в руки Шампанское и просила повторить «Седьмое небо».

Алексей окликнул Боба и когда тот подошёл к столику, где сидели Виктор и Анюта, спросил:

– Боб тут у нас вопрос возник по твоему искусству; скажи, ты можешь Кукарачу сыграть?

– В детстве играл, на гармошке, но мотив помню, значит, сыграю, – ответил он, подходя к столу.

– Боб моего близкого знакомого гложут сомнения, – загадочно заявила Анюта. – Он уверен, что раньше встречал тебя. Он раньше на одной речной улице с тобой жил.

– Это вы уважаемый товарищ Кукарачу заказывали? – спросил Боб, у Виктора.

– Я её не заказывал, а только просил узнать, умеете ли вы её играть? – ответил Виктор и улыбнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.